

Елизавета Дворецкая
ВЕДЬМИНА ЗВЕЗДА
Книга 2. Дракон памяти

Елизавета Алексеевна Дворецкая
Ведьмина звезда. Книга
2: Дракон Памяти
Серия «Корабль во фьорде», книга 5

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164775
Дракон Памяти: Крылов; Санкт-Петербург; 2007
ISBN 978-5-9717-0521-5

Аннотация

Настоящий вождь должен быть готов к нелегким решениям, если от них зависит свобода родной земли. Хагир из рода Лейрингов проделал долгий путь, стремясь избавить родину от дани, которую много лет приходится платить воинственным фьяллям. Впереди – решающее сражение, но, чтобы одержать в нем победу, Хагир вынужден договариваться с убийцей своего конунга. Иногда проще положиться на недруга, чем на бывшего союзника. Ведь законный наследник власти, одержимый идеей мщения, может принести своему народу гораздо больше бед, чем заклятые враги. Так кем же провозгласят Хагира в родном племени – героем или предателем?

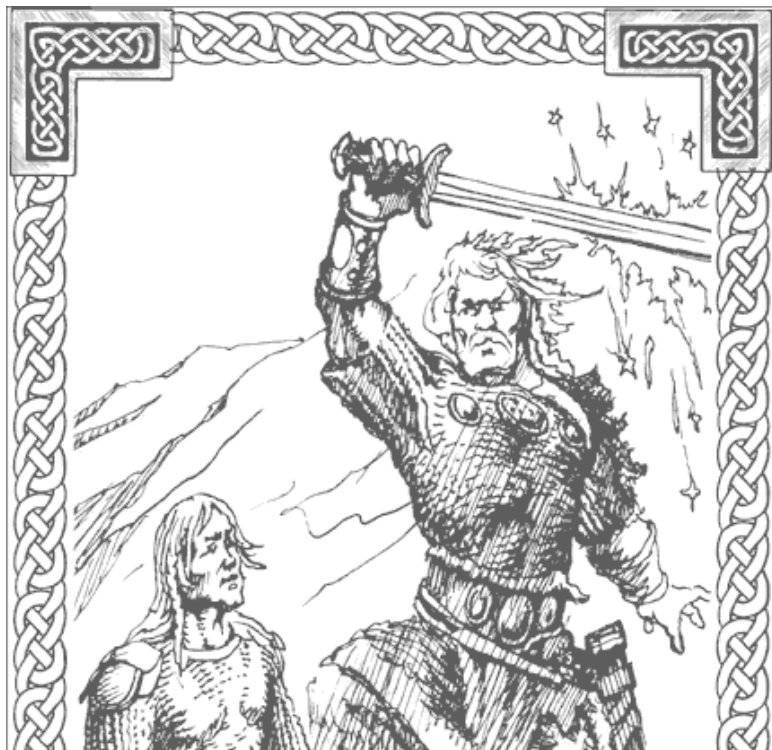
Содержание

Краткое изложение предшествующих событий	5
Глава 1	9
Глава 2	74
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Елизавета Дворецкая

Дракон памяти

Краткое изложение
предшествующих событий

Любезный читатель, начинающий эту книгу прямо со второй части! Не хотелось бы утомлять тебя множеством подробностей, в которых так легко запутаться, но во второй части продолжаются линии, начатые в первой, и без знакомства с ними будет нелегко что-то понять. Итак, кто из героев чего хочет от жизни?

Хагир сын Халькеля, последний из знатного квити́нско-го рода Лейрингов, всей душой мечтает освободить Квити́нг от фьяллей, которые уже пятнадцать лет собирают здесь дань. Когда его вождь, Стормунд Ершистый, попал в плен к полуоборотню Вебранду, Хагир освободил его и даже добыл из кургана Дракон Памяти, старинный кубок, принадлежавший его роду, но потерянный после пожара Острого мыса.

В этом ему помогали Гельд Подкидыш и Фримод ярл с Квартинга. У матери Фримода, фру Гейрхильды, живет воспитанница, Хлейна, девушка неизвестного происхождения. Фримод хочет взять ее в жены, но она полюбила Хагира и мечтает о новой встрече с ним. При этом ей не дает покоя дух давно умершей колдуньи Йофриды, которая непременно хочет передать Хлейне свою премудрость и сама принесла ей чародейный жезл.

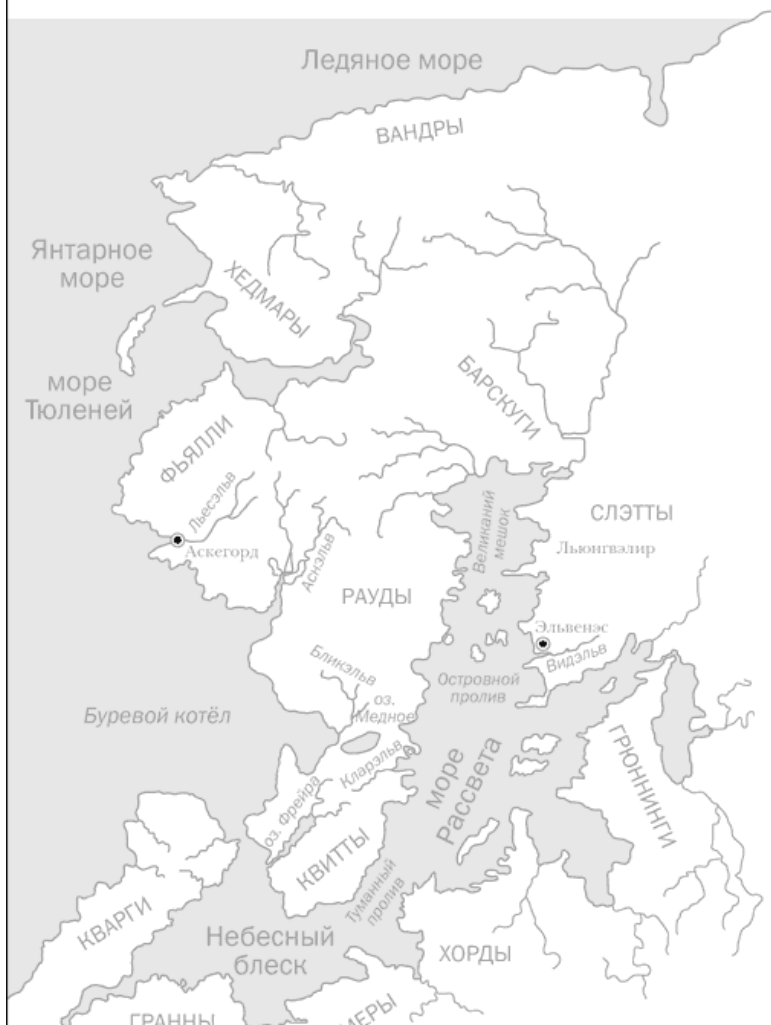
В усадьбе Ревущая Сосна Хагира и Гельда поджидало неожиданное открытие – среди рабов здесь живет женщина, в которой Гельд узнал Даллу, вдову квити́нского конунга Стюрмира, и ее сын, которого здесь называют Свартом. Но

этот юноша на самом деле сын Стюрмира, Бергвид, а значит, единственный законный наследник квиттинских конунгов. Узнав об этом, Хагир и Гельд забирают Бергвида с собой, чтобы попытаться вернуть ему звание конунга и освободить Квиттинг из-под власти фьяллей.

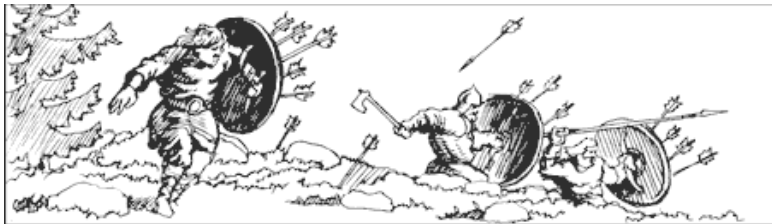
Вернувшись домой, в усадьбу Березняк, Сормунд и Хагир застали там Ормкеля ярла, от имени Торбранда конунга собиравшего дань. В битве Ормкель был разбит и вместе с остатками своей дружины взят в плен. Гельд увозит пленных, собираясь продать их на торгу Ветрового мыса.

В конце книги помещен Пояснительный словарь и Указатель имен и названий (персонажи, события и так далее).

МОРСКОЙ ПУТЬ

Глава 1

Близился йоль, но ожидание священного праздника в этот раз вызывало в усадьбе Роща Бальдра гораздо меньше суеты и радостных ожиданий, чем обычно. И раньше случалось, что Фримод ярл отмечал Середину Зимы в другом месте, а в его собственном доме праздник без шумного, веселого, гостеприимного хозяина выходил тихим, бледным, каким-то половинчатым и почти ненастоящим.

Все домочадцы ходили вялые, и Хлейна тоже грустила. Фру Гейрхильда приписывала ее угнетенное состояние тому, что дух мертвой колдуньи не хочет оставить девушку в покое. Отчасти это было верно: почти постоянно Хлейна чувствовала на себе немигающий взгляд, тайком следящий за нею из-за какой-то невидимой грани. Каждую ночь Хлейне снились сны, из которых утром вспоминались только неясные, отрывистые видения. Например, будто какой-то великан, низенький, толстенький, круглолицый, с черной бородкой и хитроватыми глазками, несется в темной пустоте с жи-

вым медведем в руках, который кажется не больше кошки. Великан с медведем летит вдоль ствола огромного дерева, как будто падает, но не вниз, а вверх, и у дерева на ветках вперемишку с зелеными листьями растут белые подснежники. Ствол приводит его к какой-то женщине, что сидит на пороге дома, тоже висящего в темной пустоте. Женщина неестественно улыбается, показывая множество зубов, и нос у нее длинный и острый. Нелепые, дикие сны! Хлейна не могла взять в толк, что они означают, но приписывала их Йофриде.

Главная же причина ее тоски крылась в другом. Первые дни она обижалась на Хагира за то, что он предпочел ей Фримода ярла с дружиной, но постепенно обнаружила, что обида вовсе не уменьшила привязанности к нему. По-прежнему она не представляла жизни без него и досадовала лишь на отсрочку, приключившуюся, как ей казалось, по его вине, но главная ее цель оставалась неизменной – быть с ним, и как можно скорее! Ничего она так не желала, как его скорейшего возвращения, и пока ждала с нетерпением хотя бы Фримода ярла, который сможет рассказать ей о Хагире.

Когда у моря закричали, что по фьорду идет Фримод ярл с тремя кораблями, Хлейна выронила веретено и вскочила. Три корабля? Три, как и уходило! Кто же третий? Мелькнувшая догадка тут же превратилась в уверенность, в душе вскипело ликование – Хагир! Он вернулся! Это счастье было и невероятным, и естественным одновременно – в хоро-

шее всегда так легко и охотно верится! Мало ли что там случилось – Хлейна приветствовала бы любое несчастье, любое поражение, если плодом его окажется возвращение Хагира в Рощу Бальдра! Еще миг – и он будет с ней рядом! То, что она в мечтах относила к отдаленному будущему – может быть, только к весне, – свершится прямо сейчас! Они будут вместе, и больше никакие новоявленные конунги и доблестные ярлы не оторвут их друг от друга!

Вместе со всеми Хлейна прибежала на берег. Но, едва бросив взгляд на третий корабль, Хлейна сразу увидела, что это не «Волк», и вскрикнула, как от боли, от горького чувства разочарования. Бежавшие рядом с ней оглянулись, и Хлейна сделала вид, что неудачно ступила на ногу – страдание, отразившееся на ее лице, было самым неподдельным. Дальше она брела еле-еле, с трудом сдерживая слезы жгучей обиды на судьбу. Сейчас она почти ненавидела «Златорогого» с Фримодовыми людьми на веслах и связанными пленниками на днище, и прибытие ярла, которого она еще сегодня утром ждала с таким нетерпением, показалось чуть ли не несчастьем.

Сразу все стало пустым и бессмысленным, захотелось повернуться и со всех ног бежать прочь отсюда, забиться в темную девичью, уткнуться лицом в подушку и спрятаться от всего гадкого света.

Хорошо, что Фримод ярл не успел увидеть ее лица до того, как она справилась с собой: он был бы, пожалуй, оскорблен,

что его дорогостоящая и славная победа встречена с таким пренебрежением именно той, которую он так хотел удивить и порадовать.

А сейчас ничто не мешало ему с гордостью показывать добычу, рассказывать снова и снова сагу о битве четырех кораблей и расписывать пышные пиры, которые задавал Стормунд Ершистый у себя дома. Острый мыс и жертвоприношение тоже не были забыты, так что Фримод ярл мог с полным правом считать, что съездил на Квиттинг не зря.

Теперь пиры зашумели и в Роще Бальдра. «Златорогий» стоял в корабельном сарае, но каждый день в усадьбу приходили жаждущие на него посмотреть, и Фримод ярл каждый раз излагал все подвиги заново. И каждый раз, когда он принимался рассказывать, Хлейна откладывала шитье, садилась поближе и не сводила глаз с рассказчика. Ее занимала каждая мелочь, каждое сказанное слово. Фримод ярл млел от такого внимания и не замечал того, что очень быстро заметил Гельд: Хлейну волновали деяния отнюдь не самого Фримода, а только Хагира сына Халькеля.

Рассказы о походе и сражении с фьяллями перевернули душу Хлейны. Она поняла, как опасен был поход Хагира на родину и как трудно ему пришлось бы без помощи Фримода ярла. Он сам-то, конечно, знал это и раньше, потому-то и сделал без колебаний тот выбор, который так ее обидел. Он-то знал, что не может взять ее прямо на клинки фьяллей, что сначала он должен обеспечить мир и покой тому дому, в

который приведет ее. Он был прав, безусловно прав в своем решении, и только она, глупая, избалованная, не знающая жизни девчонка, могла обидеться!

Теперь Хлейна жаждала рассказать Хагиру, как она рассказывается в прежней обиде, как понимает его, как жалеет, что не проводила его как следует. Теперь она даже готова была ждать «сколько угодно», поняв неприемлемость спешки, но, вопреки этим мысленным зарокам, желание быть с Хагиром разгоралось в ней сильнее прежнего. Ведь теперь фьялли изгнаны, опасности нет, их счастьем больше ничто не мешает!

Гельд не хотел кормить пленных фьяллей слишком долго и поэтому сразу, как только Фримод ярл похвастался ими перед всей округой, собрался ехать дальше, к конунгу кваргов Рамвальду. С ним отправлялся и Бергвид сын Стюрмира на своем «Златорогом», для которого Фримод ярл дал гребцов. Среди разговоров об отплытии фру Гейрхильда упомянула, что Гельду неплохо бы взять с собой и Хлейну, чтобы она пожила немного у конунга.

– Она не слишком здорова, ее тревожат дурные сны! – намекнула фру Гейрхильда. В открытую о Йофриде старались не говорить. – Ей будет полезно какое-то время пожить в другом месте. Может быть, до весны, а может быть, и дольше.

– Нет, я не хочу! – воскликнула Хлейна.

Мысль о ее отъезде, уже всплывавшая раньше, теперь показалась просто ужасной. Может быть, до возвращения Фримода и Гельда, пока она была обижена на Хагира, она и мог-

ла бы желать отъезда (назло себе и ему, как иногда делают капризные и упрямые дети). Но сейчас, когда она поняла его правоту и ее любовь засияла еще ярче, когда она дышала этой любовью и надеждой на встречу, уехать в такую даль Хлейне казалось хуже смерти. Ведь Хагир должен приплыть сюда весной, к Празднику Дис – Фримод ярл уверял, что взял с него клятву явиться в Рощу Бальдра к этому сроку, чтобы отметить с друзьями весенний праздник и узнать, к чему привели встречи Бергвида с Рамвальдом конунгом. Ах, как долго ждать до Праздника Дис! И она еще должна благодарить судьбу, что сроком встречи не выбрана Середина Лета! С какой же непростительной беспечностью люди не торопятся жить – можно подумать, что они бессмертны, как боги! Три с лишним месяца ждать слишком долго, и еще не хватало, чтобы к приезду Хагира она оказалась в Серебряном Шлеме, в такой дали! Ни за что!

– Нет, нет! – твердила Хлейна, стараясь скрыть, как напугало ее это нестрашное само по себе предложение. – Я не хочу ехать в Серебряный Шлем. Я хочу остаться здесь!

– Но, дочь моя...

– Я ничего не боюсь! – Хлейна не хотела и говорить об отъезде и не побоялась даже перебить приемную мать. – Ведь теперь Фримод ярл дома, а разве с таким защитником я должна чего-то бояться?

Конечно, Фримод ярл выразил полную готовность защитить ее хоть от целого полчища великанов (после пива эти

самые великаны виделись ему расплывчато и не вызвали ничего, кроме презрения). Лишиться общества Хлейны именно сейчас, когда ему было чем гордиться, Фримод особенно не хотел. И замыслы его простирались дальше, чем защита ее от великанов и мертвых колдуний.

В тот же вечер Хлейна в этом убедилась. Когда она подошла к Фримоду с кувшином пива, чтобы наполнить его кубок, он поймал ее за руку.

– Ты знаешь, Хлейна, как я рад с тобой свидеться! – говорил он, глядя на нее с пьяноватой ласковостью, и все старался подтянуть к себе поближе. – А ты мне рада... то есть рада, что я вернулся?

– Может, да, а может, и нет! – загадочно покачивая головой, ответила Хлейна. – Я рада вестям, которые ты привез, но еще больше радовалась бы, будь они иными!

– Не очень-то это по-дружески, тебе не кажется? – Фримод ярл сейчас был не в состоянии доискиваться до смысла этих загадочных речей.

– Не очень по-дружески дергать меня за руку, чтобы я пролила пиво на свое новое платье! – со снисходительным упреком отвечала Хлейна, упираясь. Она стояла на верхней ступеньке его высокого сиденья, Фримод ярл все пытался ее обнять и подтянуть к себе, а она отбивалась свободной рукой и с трудом сохраняла равновесие. – Сейчас я упаду к тебе на колени и оболью пивом нас обоих!

– Нечего жалеть платья, я подарю тебе новое! – Фримод

ярл улыбался, глаза его блестели размягченно и счастливо. – Хоть десять, хоть двадцать новых платьев! Сколько ты захочешь! У кюны слэттов, у новой жены Хеймира конунга, и то не будет столько платьев, сколько у тебя! Я все это смогу! Я привез столько добычи! Ты помнишь, сколько золота я подарил тебе! И подарю еще! А как же насчет того, о чем мы говорили?

– О чем?

– Ты обещала, что выйдешь за меня, если я помогу освободить Стормунда Ершистого. Я освободил его и от Вебранда, и даже от фьяллей. Я совершил два подвига вместо одного. Я дважды выполнил твое условие.

– Никакого условия не было! – возразила Хлейна, сразу перестав улыбаться. Этого еще не хватало! – Я этого не говорила!

Она плохо помнила, что именно они сказали друг другу в то утро в роще Бальдра, но была уверена, что никак не могла дать такого обещания. Ее сердце и мысли уже тогда заполнял Хагир, и она не могла пообещать выйти за Фримода, даже если бы он у нее на глазах повторил все подвиги Сигурда Убийцы Дракона!

– Говорила! – Фримод ярл тоже плохо помнил, что именно она ему сказала, но не сомневался, что желанное обещание от нее получил. Он сел прямо и настойчиво заглянул ей в глаза, хмурясь и стараясь соображать получше. – Я хорошо помню! Я спросил: что я должен сделать, чтобы ты меня по-

любила? А ты сказала: освободи Стормунда. Я еще подумал, на кой тролль тебе сдался этот Стормунд, раз мы его в глаза не видели. Но, я думал, ты хочешь, чтобы я побольше прославился прежде, чем свататься к тебе. Вот, я прославился. И я вызову на поединок всякого, кто скажет, что этого мало! Назови мне хоть одного, кто сделал бы хотя бы половину этого!

«Хагир сын Халькеля!» – так и рвалось с языка. Хлейна лихорадочно искала предлог, чтобы сделать дальнейшие посягательства невозможными или хотя бы отодвинуть их, вспомнила даже о предложенном отъезде... вот что!

– Если тебе так нужны подвиги, так вот что: сделай так, чтобы Йофрида Шептунья больше никогда не тревожила меня! – воскликнула Хлейна.

Конечно, он не колдун и этого не сможет, зато отстанет от нее... на некоторое время.

Она соскочила со ступенек сиденья, да так неловко, что толкнула кого-то из гостей и уронила кувшин с остатками пива. Фримод ярл устремился за ней: хотел то ли подхватить, думая, что она падает, то ли удержать. Но не успел: Хлейна устояла на ногах и, не оглядываясь ни на Фримода, ни на кувшин, вылетела из гريدницы. Она убегала, как от величайшей опасности, как смерти боясь, что ее поймают, крепко возьмут за руку, поставят между двух очагов и потребуют внятное и принародное обещание. А дать его она не согласилась бы ни за что на свете.

Отплытие Гельда и Бергвида на двух кораблях было назначено на раннее утро, и Хлейна вышла проводить их. Вернее, Гельда, потому что о Бергвиде она совсем не думала. Конечно, его судьба очень напоминает начало саги о Сигурде и прочих великих героях, но Хлейну занимала сага только о ней самой и о Хагире. Предстоящие встречи Бергвида с Рамвальдом конунгом и все, что может за ними последовать, сейчас не вызывало у нее даже любопытства, но расставаться с Гельдом ей было очень жаль. Она ничего не сказала ему о своей важнейшей тайне, но он мог понять ее любовь и потому казался Хлейне самым близким сейчас человеком. Вот он уедет – и ей будет не с кем поделиться, даже если очень захочется...

Дождаясь, пока корабли вытащат из сарая и перенесут приготовленный груз, Хлейна побрела по берегу, по холодному, морозно скрипящему песку. В воде маленького залива плавала серая снеговая каша. Возле берега осталась промоина чистой воды, вроде проруби, с темной, притененной водой. Хлейна остановилась, заглянула в промоину.

Ей навстречу из воды потянулось отражение. Хлейна любила на себя смотреть, но сейчас, в плохом настроении, вяло глянула лишь по привычке... Ой, что это у нее на голове...

И вдруг Хлейна вскрикнула: из воды на нее смотрела Йофрида, такая же, как тогда в роще. Ее фигура находилась там, где полагается быть отражению, их ноги сливались там, где вода сливается с песком, и Хлейна чувствовала себя связанной, сращенной с колдуньей, как с собственным отражением. Внутри похолодело, Хлейна в ужасе рванулась, хотела бежать отсюда, но не смогла двинуться. Вода была спокойна, без волн и ряби, она как будто вообще исчезла; колдунья смотрела на Хлейну через открытую дверь и могла легко схватить ее – только протянуть свою костлявую темную руку...

– Ты хочешь уйти от меня! – говорила Йофрида, пронзительно глядя на Хлейну, и та изнемогала от желания бежать от этого темного взгляда, от этого морщинистого лица, этого говорящего рта, которые так крепко держат ее. – Ты хочешь уйти от своей судьбы. Люди обманут, но мудрость никогда. Любовь и надежда обманут, но судьба останется верна. Ты –

моя, ты отдана мне твоим рождением. Кровь твоя ведет тебя ко мне. Твой дед был волком-оборотнем. Твой отец унаследовал многое из его силы, но истинная сила сказывается в третьем поколении, передается от деда к внуку. Ты унаследовала истинную силу твоего деда. Он умел переходить из человеческого мира в звериный, из живого в мертвый. Теперь он убит, и сила его рассеяна в пространстве. Она ищет новое воплощение. Она ищет тебя. Доверься мне, и я помогу тебе собрать эту силу, овладеть ею, подчинить твоим желаниям. Ты научишься принимать облик любого зверя, любой птицы, любого человека. Ты сумеешь найти тропку в любой из девяти миров. Ноги твои способны ходить по ним, так пусть разум ведет их, а они несут его!

У Хлейны отчаянно кружилась голова, она смотрела прямо перед собой, но уже не видела ни промоины с темной водой, ни колдуньи с оленьими рогами на голове. Перед ее взором разворачивались, пролетали и мгновенно сменяли друг друга широкие неясные картины. Бушевало пламя, огромное дерево росло в черной пустоте, и над кроной его, над зеленой листвой, расстиралось сияющее облако из белых капелек росы. Она видела бег ручья по черной, зернистой, едва оттаявшей земле, и прозрачная вода тянула взор все дальше и дальше, вытягивала из нее душу. Чувства восторга и ужаса мешались, кипели, рвали ее на части; Хлейна ощущала, как по лицу катятся горячие слезы, и только это ощущение еще привязывало ее к земной жизни и собственному телу. Это те

самые миры, которые ждут ее, потому что ее дед... Оборотень-волк... Кто он? Кто ее отец? Как это все было? Хлейна хотела спросить об этом, но не помнила слов.

– Твой отец – Вебранд Серый Зуб, ты слышала о нем! – произнес голос, идущий отовсюду. – Он прославлен своей силой и доблестью, но слава его смешна рядом с тем, чего можешь добиться ты. Ты – женщина, ты – дорога из небытия к жизни, которую проходит всякая живая тварь. Ты сможешь все... Доверься мне...

– Эй! Хлейна, что с тобой?

Хлейна не сразу услышала голос и не поняла смысла слов, но какая-то сила вдруг толкнула ее и отбросила назад. Она очнулась рывком, как будто провалилась из темноты в свет. Она стояла на берегу, а Гельд обнимал ее за плечи и с тревогой смотрел ей в лицо.

– Что с тобой? – обеспокоенно спрашивал он. – Ты чуть не упала в воду! Ноги не промочила? Что случилось? Ты меня слышишь, девочка моя?

Охнув, Хлейна прижалась к Гельду, уткнулась лицом в густой мех его куньей накидки и разрыдалась. Гельд гладил ее по волосам, с облегчением видя, что она пришла в себя, и с тревогой вспоминая то, что наблюдал перед этим. Она стояла над самой промоиной, с окаменевшим лицом, устремив в воду застывший взгляд, и, казалось, вот-вот готова была упасть. Какая-то невидимая сила тянула ее, и Гельд благословлял то мгновение, когда обернулся и увидел это. Не то

Хлейну утянуло бы под воду... Что? Но спрашивать девушку он не торопился: она так горько рыдала, так отчаянно цеплялась за него, будто ей грозила смертельная опасность. За все годы ее жизни Гельд не помнил, чтобы Хлейне приходилось так плакать.

А Хлейна все рыдала и никак не могла остановиться: горе, ужас и отчаяние лились из ее груди непрерывным потоком, источник не иссякал, облегчение не наступало. Нестерпимо жутко было вспоминать свою беспомощность перед той силой, что тянула ее на тропы девяти миров.

Но одно оказалось хуже всего. В мыслях ее стучало имя, которое раньше почти ничего для нее не значило. Вебранд Серый Зуб! Совсем недавно это был всего лишь один из врагов Хагира, с успехом побежденный. А теперь оказалось, что он и есть ее таинственный отец, имя которого фру Гейрхильда так упорно скрывала от нее! Во всем Морском Пути никого нет хуже, ни одного человека, которого Хлейна меньше желала бы видеть своим отцом.

Хлейна пыталась оттолкнуть от себя новое открытие, но не могла убедить себя, что Йофрида сказала неправду. Имя Вебранда заняло место в раскладе, где только его и не хватало. Он украл ее мать, потому что по доброй воле ему никогда бы ее не отдали... И Гейрхильда говорила то же самое, что сказала сейчас Йофрида: сама кровь Хлейны располагает ее к занятиям колдовством! И Гейрхильда скрывала от Фримода эти обещания насчет двух застежек: она не хотела, чтобы

ее сын оправился сражаться с таким человеком, полуоборотнем!

Но Хагир! Если он узнает, что она – внучка того самого оборотня, гадкого мертвеца, с которым он бился в подземном срубе... Что она – дочь Вебранда, его ненавистного врага... Взяв ее в жены, он породнится с человеком, которого ненавидит... Он будет чувствовать к ней одно омерзение, больше ничего! Можно постараться скрыть это от него, но как жить под вечным гнетом этого ужаса – разоблачения! Йофрида может и ему явиться во сне или наяву, открыть тайну, чтобы он бросил ее, Хлейну, и никто уже не мешал колдунье завладеть добычей! Он возненавидит ее, если узнает! Они разлучены, они разорваны, навсегда!

Хлейна чувствовала себя как на льдине в море, и все ее радостные надежды на будущее оказались разом погублены. Жгучие слезы уже измочили накидку на груди Гельда, мех стал мокрым и холодным. Хлейна жмурилась, словно пыталась таким путем спрятаться от боли, сквозь ее рыдания прорывались стоны. Одно слово, одно имя – и вся ее жизнь рухнула. Это не Фримод с его неумной доблестью, не временное препятствие, которое можно обойти или переждать. От своей крови не уйдешь, прошлого не переменишь.

Наконец она понемногу успокоилась и вытерла лицо платком, который нашелся у запасливого Гельда. От слез ее лицо стало ужасным, веки так распухли, что глядеть сквозь узкие щелочки было трудно.

— Ты... подожди... немножко... — низким, ломким голо-
сом попросила она. — Я поеду... с тобой... к конунгу... Куда
удобно... Хоть куда... Только подальше... подальше отсюда.
Она меня съест! Немножко... Я не долго буду собираться. Но
сегодня, обязательно сегодня! Скорее... Подальше отсюда!

Погода для путешествия выдалась не самой удачной: ча-
сто шел снег, и иногда два корабля плыли через сплошную
белую пелену. На поверхности волн колебалась снежная ка-
ша. Море Небесный Блеск замерзает очень редко, но все же
мореходы волновались: если сейчас вдруг ударит мороз и
снежная каша в воде замерзнет, путешествие прервется на
неопределенный срок. И неизвестно, где придется праздно-
вать Середину Зимы.

Но все же, хотя порой Хлейне по целым дням не удава-
лось высунуть носа из кожного шатра на корме «Кабана»,
путешествие развлекло ее и оттеснило грустные мысли. Ей
нравилось воображать, что это не Гельд увез ее из дома, а
Хагир. И с ним она вот так же плыла бы мимо скалистых бе-
регов, и так же чувствовала бы себя свободной от всего, что
осталось позади, и перед ней разворачивалась бы какая-то
совсем новая жизнь...

Не в силах выдержать тяжести открытия, она на первом же
ночлеге рассказала Гельду о своем видении на берегу. Отча-
сти ее толкнула на это надежда, что старая колдунья ее об-
манула, но Гельда открытие не удивило: он услышал именно

то, что знал и сам.

– Теперь тебе понятно, почему мы не хотели, чтобы ты об этом знала, – сказал он, когда она окончила.

– Я – внучка оборотня! – со слезами на глазах шептала Хлейна.

– Выходит, что так! – со вздохом согласился Гельд. – Ничего тут не поделаешь, от себя не убежишь. Но я на твоём месте не стал бы плакать. Тебе не грозит однажды проснуться волчицей. Четверть крови оборотня – не так уж много. Вспомни, ты ведь всю жизнь жила спокойно и не чувствовала в себе ничего такого, ведь верно? А твои дети смогут и вообще об этом забыть.

– Мои дети! – Тут слезы Хлейны полились ручьём, потому что мысли об этом причиняли наибольшее мучение. – Кто захочет взять меня в жены, если будет знать, что я внучка оборотня!

– Вот уж о чём не стоит плакать! Желающие найдутся, и ещё как найдутся! Твой отец – не самый приятный человек в Морском Пути, но уж в его доблести и удаче никто не сомневается. У тебя родятся сыновья и станут великими воинами – и именно потому, что ты внучка оборотня! Очень многие мужчины захотят, чтобы это были их сыновья, и мужчины самых знатных родов! Гейрхильда с большой охотой женила бы на тебе своего сына. Только из-за этих проклятых застёжек она до сих пор этого не сделала. Она не очень-то хочет, чтобы он отправился на поединок с твоим отцом и один из

них убил другого!

– Но ведь так все и вышло! – со слезами воскликнула Хлейна. Это было даже хуже, чем волчья кровь в ней самой. – Он убил его... Хагир убил его, моего... моего деда! А теперь выходит, что он должен убить еще и моего отца! Богиня Фригг! Я вовсе не люблю этого отца, но это все так страшно! Я не хочу!

На миг у Хлейны мелькнуло искушение: рассказать обо всем (то есть о Вебранде) Фримоду ярлу и снова послать его на врага. С тех пор Вебранд наверняка вернулся домой; если нет, его можно там подождать. Может быть, Фримод убьет его, а потом...

Но все же совесть не позволила Хлейне остановиться на этом соблазнительном решении. Что ни говори, Вебранд – опасный человек, и послать Фримода ярла на поединок с ним не слишком хорошо по отношению к приемной матери. Да и самого Фримода пришлось бы сознательно обмануть – пообещать то, чего не собираешься исполнить. Гельд когда-то просил ее никогда так не делать, а Гельда Хлейна уважала и старалась слушаться.

Значит... Значит, выхода нет. Как раньше Хлейна непоколебимо верила в свою счастливую судьбу, так теперь предавалась безудержному отчаянию. Сама смерть казалась ей лучше, чем бесконечно-длинная, пустая, тоскливая жизнь без того единственного человека, который был ей нужен.

– Ну, уж тут я тебе ничего не могу посоветовать! – Гельд

вздыхнул. — Дальше все зависит от Хагира.

— Если он вообще захочет на меня смотреть!

— Об этом не беспокойся! — Гельд тыльной стороной ладони стер слезы со щеки Хлейны и отвел намокшую прядь волос. — Если бы я узнал, что моя невеста — внучка оборотня, это ничуть не помешало бы мне любить ее. Конечно, не хотелось бы, чтобы оборотень-дедушка часто ходил в гости, но тебе этого можно не опасаться. Он из своей могилы больше не выйдет.

— А отец? Вебранд?

— Вот это... — Гельд опять вздохнул. — Вот это самое трудное. Понимаешь, как трудно приходилось твоей приемной матери все эти восемнадцать лет? Постоянно ждать и думать: а что он придумает? Он ведь такой человек... непредсказуемый. Но, раз уж мы ничего не можем сделать, нам остается надеяться на лучшее. Знаешь, если надеяться на лучшее, то удача придет. Только надо очень-очень верить. Чтобы это лучшее грело тебя изнутри каждый день.

Говоря все это, Гельд смотрел на Хлейну и одновременно видел перед собой Тюру дочь Сигмунда. Она была тем самым «лучшим», что поселилось в его сердце и грело, как будто этой снежной, ветреной зимой он носил на груди маленькое солнышко. При воспоминании о ее миловидном лице с мягкими ямочками на щеках на него веяло душистым и ласковым ветром раннего лета. Кажется, совсем обыкновенная женщина и в то же время замечательная: она знает,

что жизнь трудна и неласкова, но и в трудностях сохраняет бодрость и надежду на лучшее. Гельд с удовольствием воображал, чем она сейчас может быть занята: утром хлопочет по хозяйству, присматривает, как кормят скотину, считает яйца, отмеривает муку и сама ставит хлебные квашни, днем прядет у очага с другими женщинами, посадив с двух сторон от себя Асту и Кайю. И вечером смотрит в огонь и думает... Гельду хотелось, чтобы она думала о нем, и в нем жила твердая и радостная уверенность, что так оно и есть. В его жизни появилась новая точка притяжения, новое сердце его мира – дом, где ждет его Тюра. И даже грядущие битвы Бергвида сына Стюрмира, которого он сейчас провожал к Рамвальду конунгу, волновали его не больше, чем будущее возвращение в этот дом.

Когда «Кабан» и «Златорогий» приплыли на Ветровой мыс, здесь уже было полным-полно кораблей. Вокруг гостиных дворов сновал народ, из-под крыш множества землянок, рассеянных по всему мысу, тянулся дым. Народ уже съехался к Середине Зимы, когда конунг кваргов Рамвальд устраивает богатые пиры, а вокруг его усадьбы собирается единственный во всем Морском Пути зимний торг.

Рамвальд конунг встретил их хорошо: даже спустился со своего места и пошел навстречу. Гельда Подкидыша он знал не только как давнего друга сестры Гейрхильды, но и как родича слэттенландского конунга Хеймира. Сам Гельд при взгляде на Рамвальда конунга сразу вспоминал Фримода яр-

ла: дядя и племянник очень походили друг на друга и лицом, и нравом, только волосы у конунга были светлыми, а годы – ему уже исполнилось пятьдесят – остудили его горячий и увлекающийся нрав и сделали осторожнее.

– Я не ждал тебя здесь, Гельд сын Рама, но я всегда тебе рад! – говорил конунг, встретив Гельда в середине гридни-цы. – Я ждал, что увижу тебя в Роще Бальдра, у моей сестры Гейрхильды.

– Я надеюсь, что ты увидишь меня там: если ты не передумал навестить фру Гейрхильду после йоля, то мы поедем к ней вместе! – отвечал Гельд. – А я поторопил нашу с тобой встречу, потому что у меня появились тут кое-какие дела.

– Может быть, тебе нужна помощь? Ты можешь смело на меня рассчитывать в любом достойном деле, а недостойных за тобой не замечалось. Такому доброму и доблестному человеку я всегда буду рад помочь!

– Благодарю тебя, конунг, я счастлив найти в тебе такое дружелюбие, впрочем, я ничего другого не ждал. Однако мои дела не так трудны, чтобы я не справился с ними сам. Твоя дружба будет нужна другому человеку.

Гельд обернулся и показал на Бергвида, стоявшего позади. До того все взгляды были устремлены только на Хлейну: для встречи с конунгом она надела красивое зеленое платье с вышитым подолом, перевязала лоб лентой, усаженной мелким жемчугом, а на ее запястьях, видных из-под дорогой собольей накидки, блестели витые золотые обручья. Она

с любопытством глядела по сторонам и приветливо улыбалась знакомым и незнакомым; рядом с этой красотой темно-волосый, сдержанный и скромно одетый Бергвид поначалу ничьего внимания не привлек.

– Этот человек – Бергвид сын Стюрмира, единственный сын последнего конунга квиттов, – продолжал Гельд. – И рассказ о его судьбе стоит того, чтобы к нему подойти обстоятельно. Даже самому привередливому слушателю он не покажется скучным.

– Сын Стюрмира Метельного Великана! – воскликнул Рамвальд конунг.

До этого он радостно улыбался Хлейне, но сейчас застыл в изумлении. Все здесь, конечно, знали историю жизни и необыкновенной гибели Стюрмира конунга, но для всех ныне живущих события квиттинской войны семнадцатилетней давности стали не более чем красивым рассказом, чем-то вроде «Сигурд-саги». Увидеть живой остаток этой саги в своем собственном доме даже конунгу кваргов казалось столь же невероятным, как и квиттинскому рыбаку.

Но конунг с детства был приучен ничему не удивляться, быстро брать себя в руки и не забывать законов гостеприимства.

– Садитесь! – Рамвальд конунг указал гостям на скамью и сам повел Хлейну к женскому столу. – Сейчас вы мне все расскажете, и я буду рад вас выслушать! Такие новости не каждый день услышишь!

Начало рассказа ему и в самом деле очень понравилось. Рамвальд конунг с жадностью расспрашивал Гельда обо всех мелочах – о том, как его ограбили Бьярта и Хагир, о том, как потом он встретил их в усадьбе Фримода ярла, как они втроем ездили к Вебранду и особенно обо всем, что с ними случилось там, у мыса Ревущей Сосны. Про курганы, оборотней, мертвецов и сокровища люди всегда любят послушать, а Гельд умел рассказывать. Рамвальд конунг ловил каждое слово, издавал восклицания, и на лице его было написано явное сожаление, что не ему, а другим достались эти увлекательные дела. Сейчас он походил на своего племянника Фримода, как никогда.

Продолжение ему понравилось меньше. По мере того как Гельд рассказывал о буре у мыса Ревущей Сосны и о тех решениях, которые после того были приняты в домике Ярны, Рамвальд конунг уже не смеялся и все пристальнее и серьезнее вглядывался в лицо Бергвида.

– Твой родич Фримод ярл надеется, что ты, конунг, не оставишь без помощи сына Стюрмира конунга, – продолжал Гельд. – За его происхождение я ручаюсь, да и боги его подтвердили. Конечно, это очень важное дело, его не решишь за один раз. Но я попросил бы тебя подумать об этом.

– А чего именно вы хотите? – спросил Рамвальд конунг, задумчиво пощипывая свою густую рыжевато-желтую бороду. Было видно, что в нем это предложение не вызвало той восторженной готовности, как в его племяннике.

– Люди рассудили так. Всю эту зиму дружины фьяллей будут ходить вдоль о квиттингских побережий на западе и юге и собирать дань со всех, до кого смогут дотянуться. Было бы хорошо, если бы ты, конунг, дал Бергвиду войско, с которым можно было бы преградить дорогу фьяллям. А за зиму, видя такую поддержку, сами квитты соберут свое войско на тот случай, если по весне или летом Торбранд конунг опять приведет людей отстаивать свое право грабежа.

– А кто мне поручится, что это квиттинское войско действительно будет собрано?

– Хагир сын Халькеля из рода Лейрингов дал мне право поручиться за него, если потребуется. Думаю, ты слышал о роде Лейрингов. Он в родстве и с родом Птичьих Носов, хёвдингов Квиттингского Востока.

– А... – Конунг хотел еще что-то спросить, но передумал. – Конечно, такого дела не решишь за один день. Но многие скажут, что ссориться с фьяллами не очень умно. Я и так опасаясь, что подвиги моего родича Фримода навязали мне ссору с Торбрандом Троллем. Вмешиваться в дела фьяллей, когда они собирают дань... Если бы какой-нибудь морской конунг вздумал собирать дань с подвластных мне земель и бить моих ярлов, я бы не ел и не спал, пока не расквитался бы с ним. И я очень ошибаюсь, если Торбранд конунг оставит это без последствий.

– Торбранд конунг далеко! – заговорили хирдманы. Они внимательно слушали своего конунга, но не казались слиш-

ком встревоженными. — Он не посмеет явиться сюда. Не посмеет, конунг. Он ведь тоже не захочет ссориться с тобой. Ты всегда можешь сказать, что ничего не знал об этом. Ведь правда, Фримод ярл не делился с тобой своими замыслами.

— Не делился. И это плоховато. — Рамвальд конунг качал головой. — Конечно, мой родич Фримод ярл взрослый человек и вправе распоряжаться собой и своей дружиной, но если в отместку фьялли придут грабить Северный Квартинг, мне же придется вмешаться. Я не смогу так оставить это дело.

— Может быть, это не так уж и плохо! — заметил Гельд. — Фьялли уже пятнадцать лет живут грабежом Квиттинга. А это с каждым годом все труднее и труднее. Все доступные им области уже разграблены, а все, кто мог, ушли на восток и в Медный Лес. С пустырей и пожарищ много не возьмешь. Не удивлюсь, если однажды услышу, что какой-нибудь фьяльский ярл, не найдя ничего подходящего на пустых скалах у Острого мыса, «заблудился в тумане» и «собрал дань» с побережья Квартинга. Сам знаешь, через пролив Двух Огней неполный день пути.

— Не будет! Этого не будет!

— Они не посмеют!

— Не сумасшедшие же они!

— Мы не позволим!

— Этого не может быть!

Гридница возмущенно зашумела. Гельд спокойно переждал и продолжил с самым миролюбивым видом, как будто

и не думал идти против общего мнения:

– Это все так, да вот беда: они-то не знают, что вы им не позволите! Уже пятнадцать лет им на Квиттинге почти все позволяется, так не мудрено им вообразить себя сильнее всех! Недолго подумать, что во всем Морском Пути нет силы, способной им противостоять. А раз это не так, им нужно показать это на деле. То, что вы говорите здесь, Торбранд конунг у себя в Ясеновом Дворе не слышит. А когда несколько квартинских усадеб сгорит, вразумлять его будет не совсем поздно, но поздновато. Лучше сделать это заранее. Силу можно остановить только силой, и лучше сделать это на чужой земле, чем на своей. А если ты, конунг, помог бы сыну Стюрмира конунга укрепиться на Квиттинге, ты мог бы быть уверен, что между тобой и неукротимой драчливостью фьяллей стоит надежная преграда. Ведь нет никаких оснований надеяться, что во Фьялленланде вдруг потеплеет и ячмень будет там хорошо родиться чаще чем раз в пять лет.

– А ты как будто очень хочешь, чтобы я ввязался в эту войну? – Рамвальд конунг пристально глянул на Гельда.

– Странно мне было бы этого не хотеть. Если ты помнишь, конунг, я и сам квитт.

– Ах, да! – спохватился Рамвальд конунг. – Да, конечно.

На самом деле он этого не помнил. Выговор Гельда указывал скорее на племя барландцев, среди которых он вырос, а держался он так, будто родиной его был весь Морской Путь целиком. Он казался настолько причастен к делам любого

племени, что каждое, куда он попадал, считало его за своего. Но сам он тем сильнее чувствовал свою связь со своей настоящей родиной, чем больше приходилось ему наблюдать ее несчастья. И не зря, пожалуй, судьба свела его сначала с последним из Лейрингов, потом с сыном погибшего конунга квиттов... а потом и с женщиной из этого племени. И каждый раз, когда на ум ему приходила Тюра, Гельд облегченно вздыхал, словно после долгого путешествия увидел вдали свой берег.

На другое утро Гельд занялся делами. За время славных походов он изрядно подзапустил свои собственные занятия, и теперь ему много предстояло наверстать, но в первую очередь он хотел избавиться от пленных. После утренней еды он отправился к Корабельным Сараям. Так называлась местность, лежавшая над самым берегом, в некотором удалении от усадьбы конунга. Когда-то там и правда стояло лишь несколько корабельных сараев, но потом к ним постепенно прибавились два или три гостиных двора и множество землянок, больших и поменьше, где торговые гости останавливались и хранили товары.

Один из просторных бревенчатых домов, построенных по говорлинскому образцу – не на земле, а на высоком подклете, где хранились товары и жила челядь, – принадлежал Сэбьёрну Говоруну. Рода он был низкого, земельных владений не имел, но считался одним из самых богатых торговцев

Морского Пути. В числе прочего Сэбьёрн торговал и рабами. Судя по хвостикам дыма, которые тянулись из маленьких окошек подклета, живой товар имелся там и сейчас.

Приближаясь, Гельд заметил и самого Сэбьёрна – невысокого, толстоватого, но проворного человечка в огромной меховой шапке. Шапка эта спускалась на самые брови, так что встречные удивлялись, как Сэбьёрн ухитряется что-то из-под нее видеть. «Я чую носом, хи-хи! – смеясь, отвечал Сэбьёрн. – Особенно если есть хорошая пожива, я учую через три перехода!» Завидев высокую фигуру Гельда, он на мгновение замер, подслеповато щурясь из-под меха своей шапки, потом подпрыгнул и радостно поспешил навстречу с таким видом, будто именно Гельда Подкидыша он и ждал тут последние три зимы и даже нарочно вышел навстречу.

– Приветствую тебя, Гельд сын Рама! – кричал Сэбьёрн на ходу.

Румяный и веселый после еды, он имел вид нагловатый, но дружелюбный, его щечки над жидкой светлой бородкой ярко розовели, зубы скалились в усмешке. Гельд его не любил, но вести с ним дела считал вполне возможным.

– Драгоценнейшее качество человека – постоянство! – приветливо ответил Гельд. – Как приятно знать, что, даже если Ворота Рассвета сдвинутся с места, Сэбьёрн Говорун останется возле своих владений у Корабельных Сараев!

– А куда я поеду, если меня и здесь находят такие замечательные люди! – отозвался тот, чуть ли не подпрыгивая, что-

бы оказаться поближе к высокорослому собеседнику. Зная, что Гельд Подкидыш в родстве и с нынешним, и с будущим конунгом слэттов, он держался с ним не только дружелюбно, но почти подобоострастно. – Пойдем, выпьем пива! – восклицал Сэбьёрн и осторожно, будто боялся порвать хорошую одежду, за рукав тянул Гельда к своему высокому крыльцу. – Или, может быть, тебе нужна молодая красивая девчонка? Тогда, конечно, пойдем, я покажу, что у меня есть! – Он хитро подмигнул и махнул рукой на подклет. – Товара не слишком много, но есть кое-что такое... Эльг Длинноногий привез с запада. Есть две хорошенькие говорлинки и две-три наших – все молоденькие, чистенькие...

– А Эльг Длинноногий здесь? – Гельд невольно огляделся. – Ты давно его видел?

Это имя, достаточно известное в Морском Пути, внезапно вызвало у него необычное любопытство. Именно Эльг Длинноногий, собственно говоря, сделал Тюру дочь Сигмунда вдовой. Нельзя сказать, чтобы Гельд сознательно испытывал к нему благодарность за это, но взглянуть на доблестного фьялля теперь было бы по-новому интересно.

– Нет, он отплыл как раз вчера. Собрался в Ясеновый фьорд. А зачем он тебе? – настырно спросил Сэбьёрн, будто боялся, что лишится выгоды, если эти двое столкнутся напрямую.

– Да так... Ну, если ты не пошутил насчет пива, то пойдем, я расскажу тебе о моих подвигах.

Слушая о пленении Ормкеля сына Арне и его людей, Сэбьёрн даже не хихикал, а только кивал с самым серьезным видом. Поглядывая на его деловитое лицо, Гельд мысленно отмечал, как по-разному оценивают одни и те же вещи конунг и торговец: уж Сэбьёрн Говорун не побоится поссориться с фьяллями и охотно купит хоть самого Торбранда конунга, если отдадут по сходной цене. Но ведь и спрос с торговца и конунга совсем разный.

– Я отдам их тебе за марку серебра каждого, – окончил Гельд. – Все здоровы и вид имеют самый бодрый, какой только можно иметь в таком положении. Конечно, ты можешь сперва сам на них посмотреть. Они сидят в малом сарае у конунга.

– По марке – это много! – тут же отозвался Сэбьёрн. – Я сам продам их разве что по марке.

– Это здоровые молодые парни. От двадцати до сорока лет, старше ни одного не найдешь. Сильные, как лоси.

– Сильные-то сильные, но что они умеют делать? Ты сам умный человек и знаешь, что умеет делать хирдман благородного рода! Сражаться и пить пиво, да врать о своих подвигах! Сочинение стихов и игра в тавлеи среди рабов не очень ценится! А ходить за скотиной или вертеть жернова они не умеют и не хотят! Сколько кнутов надо будет истрепать об их спины, пока они научатся хотя бы кормить свиней!

– Зато когда научатся, им цены не будет. Я прошу марку,

потому что мне пришлось хорошо их кормить в пути. Каждый из них проел чуть ли не целый эйрир!

– Зато теперь их придется кормить мне!

– Но не так уж долго! Здесь столько народу, ты еще до Дня Поминания¹ распродашь не меньше половины. Во фьорде Бальдра у меня купили шестерых, да по пути сюда я на стоянках продал пятерых, и везде мне без споров давали марку. Это же настоящий товар, не увечные какие-нибудь, не чахоточные! А потом... ведь могут найтись люди, которые заплатят и больше за удовольствие иметь среди рабов людей такого знатного рода!

Гельд помолчал. Судя по задумчивому лицу Сэбьёрна, стрела попала в цель. Опытный торговец знал, что пленников продают не обязательно в рабство, но и наоборот – на свободу. Родной отец охотно заплатит за сына не одну, а десять марок серебра.

– Знатный род ценится только для женщин, – протянул Сэбьёрн, отвечая Гельду, а думая о своем. – Кстати, у меня есть одна уладка... Не слишком молодая, хотя еще ко всему пригодная и очень красивая. Говорят, она дочь уладского конунга... по крайней мере, такая же рыжая, как он сам...

– Пойдем, я тебе их покажу! – Гельд поднялся. – И ты сам решишь, сколько они стоят.

Через некоторое время они уже входили в сарай, где си-

¹ День Поминания умерших – 7 января, последний день празднеств Середины Зимы.

дела под замком «добыча» Гельда. Почти у всех руки были связаны, угрюмые и замкнутые лица почти не повернулись на шум и голоса. Вид сильных и мрачных пленников полностью подтверждал слова Сэбьёрна, что справиться с ними будет непросто.

На некоторых лицах мелькнул какой-то проблеск: кое-кто здесь его знал. Кому-то, возможно, в прошлом приходилось сбывать ему свою живую добычу, и вот теперь такой добычей стали они сами. А Гельду вдруг сделалось страшно: измени однажды удача ему самому, привези кто-нибудь его самого сюда со связанными руками, и разговорчивый Сэбьёрн, только что угощавший его пивом, точно так же купит и его. Будет отчаянно торговаться с продавцом, что, дескать, человек старше сорока лет должен стоять всего полмарки как старик, а сам высчитывать в уме, сколько даст за своего родича конунг слэттов. А что поделать: законы мира одни на всех, и никто не сделает для тебя исключения потому, что ты хороший!

– Волчья стая! – объявил Сэбьёрн, при свете факела оглядев фьяллей.

– Подожди, эта стая еще тебе глотку перервет! – хрипло пригрозил кто-то из гущи сидевших на земле пленников.

Ормкель сын Арне, оборванный, с грязными повязками, исхудалый от злобной тоски и заросший клочковатой бородой, смотрел на Гельда и Сэбьёрна с такой неистребимой ненавистью, что Гельд отметил: тут никакой кнут не помо-

жет, вырвать из Ормкеля его упрямство можно будет только вместе с жизнью. Правда, это уже забота покупателя. Он опасливо покосился на Сэбьёрна: не возьмет. Но Сэбьёрна злые взгляды и угрозы не смущали: он всю жизнь прожил среди них и отрастил на своей душе шкуру не хуже, чем у любого дракона.

Не вглядываясь в лица, он считал по головам: десять, одиннадцать, двенадцать...

– Надо их вывести наружу – тут темно, я не вижу. – Он обернулся к Гельду. – Пожалуй, я возьму... десяток-другой...

Гельд усмехнулся: Сэбьёрн говорил о людях, как о яйцах или треске.

Со своими помощниками, захваченными из Корабельных Сараев, Сэбьёрн выводил фьяллей на воздух, осматривал, торговался, но в конце концов согласился взять всех. Гельд уступил по эйриру с человека, как и собирался с самого начала, и к вечеру Сэбьёрн при свидетелях передал ему серебро.

Несколько следующих дней Гельд занимался своими торговыми делами, не забывая, однако, и о делах Бергвида. На Ветровом мысу царило оживление: начался йоль, пировали у всякого очага, от усадьбы конунга до каморки Сэбьёрновых рабынь, хотя веселье, конечно, было несколько разное. У конунга с Бергвидом сыном Стюрмира обходились как с почетным гостем: его сажали на хорошее место, Рамвальд конунг

сделал ему несколько подарков и однажды провозгласил кубок в память его доблестно погибшего отца, но о деле с ним не заговаривал и прямо ничего не обещал. Гельд не сомневался, что разговоры об этом идут: не зря Рамвальд конунг на пирах собирал вокруг себя знатных кваргов, в изобилии гостивших на Ветровом мысу в праздники.

Дружина Рамвальда, с которой Гельд ненавязчиво беседовал время от времени, не слишком приветствовала мысль о помощи квиттам. Весело сходиться на богатые земли, где есть что взять, а не на такие, где все давным-давно взято. Гельд не был мечтателем и не ждал, что люди захотят жертвовать жизнью ради бескорыстной помощи чужому племени. Так не бывает. Вот если бы пообещать им последующий поход на Фьялленланд, где можно будет отобрать все награбленное ранее... Но так много Гельд не мог на себя взять: он ведь не конунг и даже не его сын.

Пообещать что-то существенное мог бы сам Бергвид, но он не проявлял склонности к разговорам, а Гельд не лез с советами, помня, как холодно были встречены его предыдущие попытки. Надменное лицо Бергвида как бы говорило, что кварги должны считать за честь, раз уж им позволено помочь в его делах. Гельд вспоминал рассказы брата Дага: пятнадцать лет назад у него на глазах Стюрмир конунг в Эльвенэсе вел себя примерно так же. Что и привело к самым печальным последствиям. У говорлинов, которых здесь на Ветровом мысу множество, есть пословица: яблоко падает

рядом с яблоней, то есть сын бывает похож на отца. А в Морском Пути говорят: из дурного зерна не вырастает ничего хорошего. Ах, Квиттинг! У тебя же есть в запасе так много добрых, здоровых зерен, почему же прорастают в первую очередь дурные? И живешь среди одного чертополоха, взывая к богам: за что вы так наказали мою родину!

Но Гельд старался гнать мрачные мысли. В конце концов, Бергвид еще толком не показал себя, и ничего нет удивительного, если в обществе таких знатных людей он теряется и молчит. Этот надменный вид есть первый признак неуверенности в себе: кто в себе не сомневается, тот не пытается всем что-то доказывать. Он повзрослеет, и все наладится... Если не будет поздно.

Зимние праздники понемногу проходили, миновал День Поминания, движение вдоль южных берегов снова оживилось. Кто-то из гостей Ветрового мыса трогался прочь, на смену им приплывали другие. Однажды в полдень к Сэбьёрну Говоруну явился знатный гость.

– Кто ко мне пришел! – Торговец ликовал и даже сдвинул немного повыше свою шапку, так что его серые глазки, немножко косящие наружу и радостно блестящие, стали хорошо видны. – Хрейдар Гордый! Да хранит Тор на море твой корабль,² да пошлет тебе Один победы во всяких битвах, куда поведет тебя твоя доблесть! Какое бы дело ни привело

² Как ни странно, корабли во время бури находятся под покровительством именно Тора, а не морских богов.

тебя ко мне, ты можешь рассчитывать на меня, как на собственную ногу!

Хрейдар Гордый, хёвдинг северной трети Фьялленланда, снисходительно принимал эти хвалы. За пятьдесят с лишним лет жизни он успел прославиться далеко за пределами подвластной ему области. Его вытянутое бесцветное лицо с длинным острым носом производило какое-то режущее впечатление, взгляд узких глаз непонятного серо-зеленоватого цвета был ехидным и неприятным, а при виде его густой темно-рыжей бороды возникало удивление, как он ухитряется донести ложку до рта, не запутавшись в этом дремучем лесу. Голову он держал высоко, что помогало его прозвищу, шагал широко и двигался размашисто, будто силы переполняли его и плескали через край.

– Ладно, я к тебе пришел не за льстивыми словами! – сказал Хрейдар, когда Сэбьёрн умолк. – Мне нужно другое. Говорят, у тебя есть молодые девчонки. Показывай.

– Всего одна! – Сэбьёрн с видом крайнего ужаса всплеснул руками. – Было пять или даже шесть, но на праздник каждому хочется сделать подарок себе или доброму другу... Осталась всего одна, и не скажу, честно говоря, что она по-настоящему достойна тебя. Так, для какого-нибудь мелкого хоряка, у кого жена состарилась... Но зато, доблестный вождь... – Сэбьёрн подмигнул сам себе, – у меня есть для тебя еще кое-что занятное. Может быть, тебе понравится. Пойдем! Пойдем!

Было раннее утро, над западным побережьем Квиттинга висел зимний туман, и корабль, шедший вдоль обрывистого берега, пробирался через белесую стылую пелену медленно, ощупью. Сквозь слоистые облака неясно просвечивала то мокрая скала, то оголенный лес из березы и дуба, да изредка сосна, дымчатая и серая, качала лохматой макушкой на каменном выступе. Змеиная голова с оскаленными зубами, высоко поднятая на переднем штевне, казалось, шурилась, высматривая дорогу.

Хозяин корабля, стоявший на носу возле штевня, тоже шурился, вытягивал шею вперед, прислушивался к шуму волн, бьющих о камни.

– Теперь должно быть близко, – бормотал он. – Близко до вонючей норы, где сидит эта лиса с моим награбленным добром... Больше-то он не будет лазить в чужие дома, пока хозяев нет... Осторожнее, «Змеюга»! Не сядем же мы на камни за полперехода до места! После всего это будет совсем обидно!

Постепенно светлело, туман помалу рассеивался. Уже стала видна вода с мелкими сердитыми волнами, где качалась ледяная крошка, мелкие островки и камни позади них, возле самого берега. Впереди между скалами обозначился вход во фьорд.

– Должно быть, это здесь! – крикнул он, обернувшись к гребцам. – Давай, ребята, мы уже на месте!

Со всей осторожностью продвигаясь в незнакомой воде, «Змей» вошел во фьорд и ползком крался по самой середине, подальше от берегов, где ждали добычи подводные камни. Вебранд и прочие свободные от весел вглядывались, выискивая тропинки или другие признаки жилья: в таком тумане за близким лесом не трудно пропустить даже золотую крышу Валхаллы.

– Вон, похоже... – начал Вебранд, но рядом с ним молодой хирдман радостно крикнул:

– Вижу сарай! Вон он, на отмели!

– Сам вижу! – оборвал его вожак. – А ты не ори, курносый, а то хозяйева услышат. Пусть им будет нечаянная радость!

Сейчас он даже не хихикал по своему обыкновению, а на лице его отражалась некая возбужденная сосредоточенность. Вебранду Серому Зубу было не до шуток: наконец-то его долгий путь к смертельному врагу подошел к концу.

Подкравшись к берегу, «Змей» выполз на песок. Гранны побежали к корабельному сараю и легко открыли дверь: она оставалась не запертой. Вебранд распахнул створку во всю ширь и шагнул внутрь. Сарай был пуст, если не считать старой лодки, сетей, драных рыбных корзин и прочего в таком роде, наваленного по углам.

– Нет корабля, – огорченно воскликнул курносый Лэт-тир. – Он же должен быть тут! Я бы его сразу узнал – с волчьей головой!

– Может, их тоже нет дома! – хмыкнул кто-то за спиной.

– Может, они так расхрабрились, что сразу после йоля пошли в новый поход! – сказал Вебранд. – Ну, ладно. Начнем с дома, как они начали. И уж я дождусь хозяев, хоть бы они прятались от меня целый год!

День был пасмурный, но в Березняке скоро заметили, что над берегом моря поднимается густой столб черного дыма.

– Будто... пахнет гарью! – Старая Гуннхильд принялась к ветру, обернулась к морю, прищурила слабые глаза. – Эйк! Дубина! Погляди – что-то горит!

– Сарай! Корабельный сарай!

Двор усадьбы мигом наполнился криками: на берегу моря с таким огромным столбом черного дыма могло гореть только одно: корабельный сарай!

– Скорее, скорее! – Бьярта полотенцем гнала из кухни челядь, которая в суете искала шапки, накидки и пояса. – Скорее! Хагир! Стормунд! Эгдир, берите топоры, крючья! Ломайте, а то дальше пойдет! Заливать уже поздно!

– Ничего, в лесу много снега, на лес не перекинется! – утешал ее Хагир, торопливо завязывая пояс. – Построим новый – этот сарай ровесник святилищу Тюрсхейм!

Эгдир в это время крепко держал Коля, который вырывался и тоже собирался мчаться на пожар.

– Как хорошо, что Ульвмод забрал корабль! – приговаривала Бьярта. – Он бы с нас тройную цену содрал за свою кучу гнилых дров... Отчего же могло загореться? Какие-нибудь бродяги ночевали! Я говорила тебе, Стормунд, запирай

дверь!

Вооружившись топорами, ломами и баграми, толпа челяди и хирдманов в беспорядке высыпала со двора. Впереди бежали Эйк и Хёрд, размахивая ломами и вопя, как берсерки перед битвой.

Но едва лишь они добежали до обрыва, откуда можно было глянуть вниз и увидеть берег, как их воинственные крики сменились испуганными. Корабельный сарай горел, весь объятый пламенем, стоял оглушительный треск, и языки огня лизали небо. А вверх по склону поднималась толпа чужих вооруженных людей самого грозного вида. Казалось, орава злобных троллей выскочила из-под земли и вот-вот столкнется с людьми нос к носу.

Эйк и Хёрд замерли на миг, потом выронили свои орудия, повернулись и еще быстрее помчались обратно. Лом и багор остались лежать на тропе.

– Э-а-а! Люди! Чужие! На нас напали! – вопили пастухи, на бегу сталкиваясь со своими. – Напали!

Их не понимали, им не верили. Еще один, двое, трое с Хагиром во главе добежали до обрыва и увидели пришельцев, позади которых яростно пылал корабельный сарай. Быстрый шаг, полное вооружение, суровые лица гостей не оставляли сомнений, что те пришли отнюдь не с миром и дружбой. Брошенное снизу копье свистнуло мимо плеча и без слов принесло вызов. Домочадцы Березняка в едином порыве отхлынули назад: щитов ни у кого с собой не было, равно как и

настоящего оружия.

– Фьялли, фьялли! – закричал кто-то.

И тогда все побежали обратно.

– Назад! В дом! В усадьбу! – орал Хагир, задержавшись на тропе и подгоняя отставших. – Женщины, все в дом! Коль, домой! Убью!

В считанные мгновения вся толпа ввалилась назад за ворота, и Хагир втянул назад открытую створку. Ворота заложили засовом.

– Что там? Кто там? – Стормунд, увлеченный общим потоком и ничего не понявший, с ломом в руках стоял у ворот, больше удивленный, чем встревоженный. – Хагир, кто там? Что вы побежали? А сарай? Надо разобраться!

– Пока будем разбираться, нас перебьют! Решетку! Решетку тащите, тролли! – кричал Хагир, не отходя от ворот, как будто сам поддерживал их крепость. – Хринг, решетку!

В последние годы в усадьбах квиттов завелось приспособление: в случае большой опасности ворота прикрывали сзади высокой решеткой, собранной из железных полос. Если нападающие прорубали или сжигали сами ворота, решетка еще некоторое время мешала им прорваться во двор. В Березняке тоже имелась такая решетка, и по странной случайности Бьярта помнила, в каком амбаре она переживает спокойные времена.

Двор был полон суеты. Благополучное течение сытой зимы нарушилось слишком внезапно: упавшие с неба враги ка-

зались дурным сном.

– Они узнали! Они пришли мстить! – кричали и челядинцы, и хирдманы. – Это Асвальд Сутулый, да? Это Асвальд?
– Это не фьялли! – крикнул Хагир. – Это Вебранд!

На фьяллей неожиданные гости совсем не походили, зато Хагир узнал корабль на отмели: это был тот самый «Змей», который полгода назад выплыл им навстречу и которому Стормунд так обрадовался. Это Вебранд Серый Зуб. Занятые мыслями о фьяллях и Бергвиде, они совсем забыли о нем, а зря. Слишком увлеченные своим торжеством над старыми врагами, они забыли, что обзавелись еще одним, не менее опасным. И глупо было бы надеяться, что он их не найдет.

Эти мысли молниями вспыхивали в голове Хагира, и казалось удивительным, что эти простые соображения не явились раньше. Ни единого мгновения он не должен был упустить Вебранда Серого Зуба из ума. Можно было подготовиться к встрече получше. Не распускать дружину... Выставить дозоры... Тьфу, что теперь вспоминать! Теперь надо рассчитывать только на тех, кто здесь, и как-то обойтись этими!

С лязгом, грохотом и воплями, когда железные прутья и углы задевали чьи-то конечности, решетку приволокли и привесили к скобам. Женщины и прочие неспособные к битве спрятались в хозяйский дом, хирдманы вооружились и встали полукругом на дворе. Стормунд стоял впереди у са-

мых ворот, в полном вооружении, в блестящем шлеме. Жаль, что гранны сквозь ворота не видят, до чего грозно он выглядит!

Хагир считал глазами хирдманов: десять, одиннадцать, двенадцать... пятнадцать... восемнадцать... Все здесь, и больше взять негде. Из сорока человек, которых «Волк» принес из похода, большинства тут уже не было: Ульвмод Тростинка и Торвид Лопата забрали своих людей, у Сормунда остались только его собственные да те, кого Хагир спешно набрал перед походом в округе. Удачный поход укрепил в рыбаках, охотниках и сыновьях бондов желание служить в дружине, и они остались в Березняке. Всего двадцать один человек, считая самих Сормунда и Хагира. Против... Хагир лишь мельком видел толпу, растянувшуюся по склону, но был уверен: там не меньше сорока или пятидесяти человек. И помощи ждать больше неоткуда. Гельд Подкидыш и Фримод ярл далеко, усадьба Березняк осталась со своим врагом один на один.

Сквозь лязг устанавливаемой решетки на дворе не слышали приближения врага и первых ударов в ворота. А когда слышали, то близость врагов ужаснула.

– Наконец-то я до тебя добрался, Сормунд по прозвищу Ёрш! – закричал снаружи знакомый хрипловатый голос, и по спине Хагира пробежала тонкая прохладная дрожь. Он еще не одолел первого потрясения, и голос Вебранда показался ему голосом самой судьбы, которая достанет даже за морем

и нанесет удар уже тогда, когда ты о ней забыл. — Долго же ты меня ждал! Какой-то мерзавец послал меня было на восточный берег, а там живет какой-то Сормунд Ёж, чтоб ему провалиться! А не то я был бы тут уже месяц назад!

— Наконец-то ты явился! — рывкнул Сормунд в ответ. Он держал меч в руке, с нетерпением ожидая, когда пора будет пустить его в ход. — Я был у тебя в гостях, теперь ты побудешь у меня! Только недолго — мы тебя тут же и закопаем! Где сойдется вода с землей, как раз для тебя подходящее место!³

— Да уж конечно, не для такого труса, как ты! — съязвил в ответ Вебранд. — Ты-то умеешь грабить чужие дома, только пока хозяев нет! Но теперь-то я тебя подвешу на дубу вверх ногами!

— Попробуй! От тебя-то и вешать будет нечего!

— Ну, хватит разговоров! Вся твоя дружина уже успела пустить лужу в штаны от страха! Давай!

Все время этой беседы в отдалении от усадьбы слышались глухие удары по дереву, потом раздался треск и громкий шорох: так падает подрубленное дерево. Одна из больших елей на опушке, отметил Хагир. Хоть бы придавило кого-нибудь... Но теперь ель, наспех очищенную от ветвей, принес-ли к воротам, и раздался первый гулкий удар.

Ворота содрогнулись, но стояли прочно. Железная решетка дрожала и грохотала, гранны били и били в ворота стволом, что-то неразборчиво за шумом кричал Вебранд, под-

³ В линии прибоя хоронили разбойников.

бадривая своих. Кто-то из граннов пытался лезть через стену усадьбы, но их сбрасывали назад копьями. Створки полуразбитых ворот раскрыли наружу, кто-то из граннов хотел броситься в щель, но наткнулся на решетку. Разом к нему устремился десяток клинков изнутри, звякнуло железо прутьев. Красные кровавые брызги упали на землю двора, гранны заревели.

– Сюда, сюда! – вопил Вебранд. – Вдарь сюда, великаны дети!

Бревно застучало измочаленным концом в стену возле ворот. Квитты со двора стреляли в нападающих из луков, те отвечали тем же, хотя через решетку большого вреда это не причиняло. По-прежнему гранны сразу во многих местах пытались перелезть через стену, так что вся дружина Стормунда была вынуждена следить за двором и держать копыа наготове.

Одно бревно частокола с треском провалилось во двор, в проеме немедленно появилась фигура в кольчуге. Удар копья в горло вытолкнул ее назад, но тут же кто-то из граннов прыгнул-таки со стены во двор. Квитты метались: новички кидались в каждое место, где замечали нападающих, и почти не помогали опытным хирдманам, следившим за каким-то определенным участком ворот или стены.

Теперь враги лезли сразу и поверх стены, и в пролом. Постепенно внутри двора их оказывалось все больше, и убитых, и живых. С криками и звоном оружия битва вползала

во двор, как железный многоглавый дракон, и никак нельзя было ее остановить, вытолкнуть наружу, закрыть ей лазейки.

Никто не заметил, как сам Вебранд попал во двор; как его отец-оборотень, он выскочил прямо из-под земли, с мечом в одной руке и щитом в другой, злой, как тролль, и готовый к беспощадной драке. В его лице и во всем облике было нездоровое дикое оживление: он давно мечтал об этой схватке и наконец-то до нее дорвался. Хагир зацепил беглым взглядом темное обветренное лицо полуоборотня, широкий нос, седые прядки в бороде возле углов рта, эти серые глаза под тяжелыми веками, холодные, как у змеи, и отвернулся. Было жутко: судьба уже здесь, и отступать некуда. На него бежали сразу двое граннов. Лицо курносого парня показалось знакомым: осенью оно мелькало среди челяди Вебрандовой усадьбы. Тоже в дружину захотел, герой!

Стормунд, ревя что-то устрашающе-ликующее, устремился к Вебранду, размахивая мечом. Для него эта встреча стала не менее желанным случаем расплатиться за позорное поражение полугодовой давности.

Покосившаяся железная решетка еще держалась, но несколько бревен сбоку было выбито, и вся дружина граннов уже ворвалась внутрь усадьбы. Вебранд и Стормунд бились перед самыми воротами, там же, где встретились. Схватка заняла весь двор. Квитты стояли полукругом у стены хозяйского дома, отбиваясь от нападающих граннов. В тесноте двора гранны мешали друг другу, и многие из них были вы-

нуждены бездействовать: спины товарищей мешали им дотянуться до противника.

Хагир помнил, что у него за спиной дверь хозяйского дома, и сама память о ней делала его всегдашнюю твердость нерушимой: сейчас, не как в морской битве на кораблях, было действительно некуда отступить. Он не думал ни о чем определенном: воин в нем дрался самостоятельно, делая главное дело своей жизни. С самого детства он рос и воспитывался как воин, и привычка к мысли о возможной гибели не оставляла места страху и сомнению. Эта битва главная и последняя; этот дом за спиной он должен защитить, а ничего другого для него сейчас не существовало. Он только помнил, что к нему за спину гранны не должны пройти и не пройдут. Гранны падали ему под ноги, их тела лежали тут и там, везде попадались на глаза, он спотыкался об их вытянутые руки, но живых противников не становилось меньше. Серые и одинаковые, как волки, они лезли и лезли, и снова перед глазами мелькал чей-то клинок, как голодная змея, жаждущая человеческой крови.

Из середины двора долетел странный звук: какой-то неясный вскрик, и гранны вдруг отступили. Многие из них мельком оглядывались, предусмотрительно держа перед собой изрубленные щиты.

Хагир бросил взгляд через раздавшуюся толпу и сразу увидел перед самыми воротами чье-то крупное тело на земле. Стормунд лежал, как-то нелепо откинув голову, руки и

ноги бесцельно шевелились, скребли землю. Мелькнуло дикое опасение: он лежит, его сейчас зарубят! Но порыв броситься вперед тут же угас: взгляд зацепился за ярко-красное пятно, быстро разливавшееся по земле возле шеи Стормунда. На его всклокоченной бороде виднелась блестящая кровь. А на лице было такое изумленное выражение, точно Стормунд хотел спросить: что это такое? Как это меня угораздило?

Все это ярко, до последнего волоска, отпечаталось в сознании Хагира, а выводов оно делать не стало. Неосознанное внутреннее чувство толкнуло его не вперед, а назад: сейчас так надо.

– В дом! – крикнул он, торопясь, пока гранны не опомнились.

Через незапертую дверь квитты устремились внутрь хозяйского дома. Гранны бросились за ними, лихорадочно вопя при виде убегающей добычи. Хагир заскочил последним, топором в левой руке ударил прямо по чьему-то бородатому лицу и захлопнул за собой дверь.

Снаружи немедленно застучали. Но выбить эту дверь будет не так просто: толстая дубовая доска и косяки были прочно окованы железом.

– Что? Где? Где Стормунд? – истошно кричала Бьярта, толкаясь среди хирдманов, как в лесу, распахивая людей и все пытаясь найти среди них мужа. – Хагир! Где же он?

Хагир не отвечал. Тяжело дыша, он стоял, прислонившись

спиной к двери и чувствуя, как она содрогается под ударами снаружи, и пытался пересчитать оставшихся хирдманов. Краем глаза и еще тем непостижимым чувством, которым вожак связан с дружиной, он замечал, что со двора вошло в дом меньше людей, чем стояло перед воротами в самом начале. Два, три, четыре... Стейн Уголёк, Грют... Человеческое мельтешение в кухне мешало подсчету: женщины вопили и плакали, хирдманы бранились, раненые требовали помощи. Альмунд, Бьюр, Хёрд... Шесть, семь, восемь... Хринг кузнец с перекошенным лицом зажимает локоть левой руки правой ладонью, между пальцами обильно капает кровь. Эйар, Лейг, второй Стейн, Молотильщик... десять, одиннадцать, двенадцать... Хагир шарил взглядом по кухне, но дальше наткнулся только на женские покрывала. Аудвин... Эгдир... Вместе с Эгдиром – тринадцать человек. Хагир никак не мог вспомнить, сосчитал он самого себя или нет, почему-то это казалось очень важным. Такой заботой сознание пыталось отодвинуть страшную истину – что больше считать некого, это все.

– Ну, что ты? Ты не ранен? – Хагир вдруг увидел перед собой лицо Тюры и ковшик с водой у нее в руках. – Сколько их там осталось? Богиня Фригг! Ты меня слышишь?

Хагир вцепился в ковшик и стал жадно пить.

– Наших – половина, – хрипло выдохнул он, когда вода вдруг почему-то кончилась. – Я – нет, вон, Хринг...

– А это что? – Тюра показала на его предплечье, где на

рубаше виднелся широкий разрез. Ни стегач, ни кольчугу он в суматохе не успел надеть, и чудо, что этот порез на нем единственный.

– Не... – начал Хагир и глянул на плечо.

Тюра вцепилась в оторванный клочок ткани: на коже краснела длинная царапина. Но Хагир тут же вырвался, шагнул куда-то в сторону вместе с царапиной и не дал рассмотреть, нужна ли перевязка.

Все это время в дверь стучали.

– Где вы там, трусливые крысы? – кричал Вебранд, но поначалу в доме ничего не слышали. – Попрытались? И никто не хочет полюбоваться на вашего дурака вождя? Вот он валяется, такой же глупый, как при жизни! Не нужен? Дешево отдам!

– Сормунд! Где он? Где? – Бьярта кидалась то к хирдманам, то на дверь, будто хотела телом выбить ее и выскочить во двор. – Где мой муж?

– Он погиб! – бросил Хагир, наконец уловив ухом ее крики.

То зрелище, которое он успел отпечатать в памяти перед отходом в дом, имело только одно значение, и больше он не мог загонять вглубь эту жестокую правду.

– Вы бросили его! – Бьярта, кажется, не поняла его слов. – Вы бросили его во дворе! Откройте! Откройте сейчас же!

– Отойди! – Хагир повысил голос. Безумный вид Бьярты внушал тревогу: она казалась способна снести стены соб-

ственного дома. – Он убит! Я видел!

– Вы бросили его с этими!

– Он мертв, ты понимаешь? Ему уже не поможешь!

– Нет!

– Перестань, не кричи, прошу тебя! Дети, дети, пойдите с ним, им же так страшно! – умоляла Тюра и пыталась отвести сестру от двери.

Сама-то она сразу поверила Хагиру: возвращение в дом без Стормунда открыло ей правду. Они не бросили бы его, если бы он был жив.

Но Бьярта ничего не слышала и отталкивала всех, кто пытался к ней подступиться. В нерассуждающем, темнящем разум порыве отчаяния она колотила кулаками в дверь, отделившую ее от мужа, и никак не понимала, что преграда между ними гораздо крепче и неумолимее, чем даже дверь, окованная железом.

Тюра перевязывала сначала Бьюра, потом Аудвина, потом Хринга, потом Стейна Молотильщика, дрожащим от потрясения голосом просила у женщин то полотна, то воды. Ее лицо в мелькающем свете факелов казалось совсем бледным, между бровей появилась морщинка, губы были плотно сжаты, а руки слегка дрожали, но она не останавливалась ни на миг. Все существо ее стремилось что-то делать, чтобы своей работой сделать ужасное положение хотя бы чуть-чуть менее ужасным.

– Эй, кто еще хочет погибнуть как положено и попасть в

Валхаллу? – кричал за дверью Вебранд, и теперь они, опомнившись, стали слушать его слова. – Выходи! А не то мы подожжем дом, и вся ваша крысиная стая сгорит!

Прислушиваясь, все в доме постепенно затихли, теперь слышалось только тяжелое дыхание и сдержанные всхлипывания женщин. Темнота кровли давила на головы: надежный родной дом теперь казался могилой. Привыкнув находить здесь покой и защиту, они оказались в ловушке, где ждет страшная, мучительная смерть. Хагир мельком подумал: не надо было уходить в дом, лучше погибнуть в бою во дворе, под открытым небом... А женщины и весь дом?

– Уже поджигаем! Слышите? Или оглохли? – вопил во дворе Вебранд.

– Ты мог бы выпустить хотя бы женщин! – крикнул через дверь Хагир. Так принято... если для полуоборотня имеют значение хоть какие-то человеческие обычаи. – Они-то не грабили твой дом!

– Конечно! – тут же откликнулся Вебранд. – Женщины и рабы могут выйти. И ты можешь выйти, если сдашься. Это же ты, длинноволосый? Чего же ты от меня спрятался? Опять перепутал море и берег? Но уж больше ты меня не обманешь!

– Когда это я тебя обманывал? – почти безотчетно огрызнулся Хагир.

– А когда отпросился за выкупом, а вместо того ограбил мой дом!

– Я не отпрашивался! Ты сам меня отправил. И я привез тебе выкуп, ценой значительно больше десяти марок! Я не виноват, что тебя не оказалось дома! Поверь, я об этом очень жалел! Уж если бы ты тогда оказался дома, то сейчас ты уже прижился бы в Хель!

– Вот видишь: судьба на моей стороне! Я жив, а твой горлопан уже стучится к Сестре Волка! Так что – сдаешься?

– Не дождешься. Отойди от дома и отведи твоих людей. Я выпущу женщин. Ты должен поклясться не причинять им вреда.

– Я сам разберусь, что я должен! Пусть выходят. Хотите верьте, хотите нет.

– Быстрее! – Хагир шагнул от двери к очагу. – Выходите! Несколько женщин попятилось от него к дальней стене: на бледных лицах отражалось убеждение, что он собирается вытолкнуть их во двор на съедение чудовищу.

– Берите детей, хватайте побыстрее что ближе лежит – собираться некогда! Одевайтесь! Еды сколько унесете, шевелитесь же! – распоряжался Хагир.

Их страха он не понимал: ему виделся короткий и узкий путь к их спасению, как мостик в ломающемся льду, который надо пробежать как можно скорее, пока не поздно!

Плача и причитая, женщины стали напяливать накидки, закутывать детей; бестолково снуя по дому, они хватали то одно, то другое, снова роняли, пытались что-то свернуть и завязать непослушными руками, натыкались друг на друга.

Иные цеплялись за мужей, все не веря, что сейчас приходится расстаться навсегда, уйти и оставить мужа на верную гибель. Сигрид, вдова Ранда Башмака, столбом стояла у стены, мертвой хваткой прижав к себе своего полуторамесячного младенца и пустыми глазами глядя в пространство. Старая Гуннхильд толкнула ее на ходу, пытаясь пробудить от оцепенения и заставить собираться, но Сигрид ничего не замечала. Смерть, за морем сожравшая ее мужа, в том же самом обличье пришла за сыном, за новым Рандом, за последним и драгоценнейшим сокровищем ее жизни!

– Дымом! Пахнет дымом! Мы горим! – кричал кто-то, и все уже ощущали слабый запах дыма, ползущий снаружи.

Из дверей гридницы показалась Тюра; в одной руке она тащила большой узел, в другой Кайю. Девочка ревела. Сзади ее подталкивала Аста, тоже с узлом и котелком, хмурая и сосредоточенная.

– Подожди! – Хагир взял Тюру за локоть. – Где мой кубок, что я привез? Дракон Памяти?

– Там, в сундуке. – Тюра кивнула на гридницу.

– А ключ?

– У нее.

Хагир глянул на Бьярту и понял, что требовать от нее ключа бесполезно. Тогда он схватил с лавки секиру и ушел в гридницу. Вскоре он вернулся с Драконом Памяти.

– Возьми! – Он сунул кубок в руке Тюре. – Спрячь как следует. Не знаю, но, может быть, вы и вырветесь. Ес-

ли сможешь, постарайся, чтобы кубок попал к моей сестре Борглинде. Она замужем за Дагом сыном Хельги и живет на восточном побережье, в усадьбе Тингваль. Там рядом поле тинга. Постарайся! Он должен к ней попасть!

– Да, да, я постараюсь! – Тюра вытащила из узла какую-то рубаху и стала заворачивать в нее кубок. – Может быть...

Она понятия не имела, что будет с ней самой и как она доберется в такую даль, даже если избавится от Вебранда. Но это было все, что она сейчас могла сделать для Хагира, и она пообещала.

Засунутый в узел Дракон Памяти глухо звякнул еще о какой-то металлический предмет. Старый бронзовый котелок на трех овечьих копытцах тоже находился в том узле. Тюра почти бессознательно выбрала его среди всех домашних пожитков. Почему-то он казался ей более драгоценной вещью, чем все серебряные кубки, привезенные мужчинами из похода. Старый котелок сотни лет копил тепло домашнего очага и той каши, которой выкармливались поколения и поколения героев. Перед лицом гибели Тюра безотчетно стремилась унести и сберечь его, сохранить в нем дух живого дома. Так в Века Великанов женщины хранили в священных сосудах негаснувшие угольки, сохраняя тепло и жизнь рода сквозь темные ночи и холодные зимы...

Старая Гуннхильд пыталась натянуть накидку на Бьярту, но та отталкивала старуху и кричала:

– Уйди! Оставьте меня! Я не пойду! Я умру! Я лучше умру

с ним, я не буду... Отстань! Уйдите от меня!

Хагир схватил ее за руку, сильно сжал и встряхнул:

– Замолчи! Ты помнишь, что у тебя двое детей? Других уже не будет! Позаботься хотя бы об этих! Другого хозяина теперь нет! Ты слышишь?

Бьярта смотрела на него безумными блестящими глазами и тянула на себя свою руку.

– Иди! – Хагир толкнул ее к двери. – Где Коль? Его выпустят, он еще мал! Стормунда уже не поднять, за него надо мстить! Береги сына – он это сделает, когда вырастет! А ты позаботься о нем, и хватит причитать!

Эгдир вытолкнул вперед Коля; в руках воспитатель держал длинный нож, отобранный у мальчика только что, судя по его обиженному и насупленному лицу.

– С оружием не выпустят! – сказал ему Хагир. – Через два года ты получишь право мстить,⁴ а этот долг на тебе уже теперь! Ты понял? Ты должен вырасти и справиться с делом как следует, а не делать детских глупостей сейчас! Иди и слушайся Тюру, понял! В ближайшие два года она лучше знает, что тебе делать! Ты понял?

Он присел на корточки перед мальчиком, взял его за плечи и тряхнул. Коль зажмурился: смотреть в лицо Хагиру было страшно. Черты его ожесточились, глаза остро блестели и пронзали насквозь. Взгляд казался напряженным и отстра-

⁴ В возрасте двенадцати лет мальчик получал права взрослого мужчины, в том числе право мести.

ненным, как будто Хагир, глядя на Коля, в то же время внутренним взором держит что-то совсем другое. Он уже вступил на ту дорогу, куда они с ним не пойдут.

– Иди! – Хагир поднялся на ноги и толкнул Коля к дверям. – Помни, что я тебе сказал!

Тюра не отрывала от него глаз; одной рукой она прижимала к себе руку ревушей Кайи, а второй держалась за горло, будто пытаясь разгладить давящую судорогу. Она знала, что видит Хагира в последний раз. Эта яростная обреченность была открытым приговором судьбы. Он совершит великий подвиг, он убьет Вебранда, но за этот подвиг заплатит жизнью и никогда, никогда им больше не увидятся на земле. В ее груди колом стояла острая боль и не давала вдохнуть. Все кончилось: усадьба Березняк, род Стормунда Ершистого, их недолгое благополучие. Она не жалела о доме, в котором прожила почти пять лет: бревна и дерновая крыша не много значат без людей. Хагир был последней опорой этого дома; дом устоял бы с ним и без Стормунда, но без Хагира все рухнет, все. И напрасно он пытается спасти их, женщин и детей: без него они не смогут жить, они рассыпятся в пыль, как шелуха, что остается на земле, когда самого ствола уже нет.

А Хагир уже откинул засов, и тяжелое кованое железо в его руках сейчас казалось не тяжелее соломы. Он распахнул дверь, и кто-то из граннов отскочил от нее назад. Хагир встретил взгляд Вебранда – тот стоял в пяти шагах перед

дверью.

– Я выпускаю женщин, – почти спокойно произнес Хагир, остро и непримиримо глядя прямо в глаза своему врагу. – Но если с ними что-нибудь случится, я клянусь, что приду к тебе из мертвых миров не хуже, чем твой старый волк.

Вебранд задержал взгляд на его лице и медленно кивнул. Сейчас в его чертах не было и следа прежнего злобного ехидства: в Хагире он увидел достойного противника и верил, что это не пустая угроза.

Тюра первой шагнула за порог, ведя за руку Кайю и прислушиваясь, идут ли за ней Аста и Коль. Она хотела обернуться, но не смела; прямо перед ней, как волчья стая, стояли гранны. Ей было жутко видеть их, как восставших мертвецов, но она не могла оторвать от них глаз. Каждый шаг давался ей с усилием, земля знакомого двора казалась ненадежной, как весенний лед: еще шаг – и в пропасть. Это был совсем не тот двор, к которому она так привыкла, совсем не то пространство, что она пересекала по двадцать раз на дню, а чужое и страшное – часть мира мертвых. Мертвые, темными грудями лежащие здесь и там, захватили землю и не отдадут.

Немолодой, плотный, седоватый вождь с широким носом стоял впереди граннов, положив руки на пояс и пристально рассматривая выходящих. Это Вебранд Серый Зуб. Тюра легко узнала человека, о котором столько слышала.

– Послушай! – обратилась она к нему, судорожно ловя по-

следние мгновения, пока присутствие женщин еще сдерживает клинки. – Вебранд! Я понимаю, что ты зол из-за твоего отца, но поверь, это не наши, это не Хагир хотел его смерти! Этого хотел Фримод ярл, это он настаивал на том, чтобы ограбить курган и забрать ваши сокровища! Хагир хотел только освободить Стормунда, это нельзя ему ставить в вину! Ты сам поступил бы так же на его месте!

Еще от порога она заметила краем глаза что-то такое, что настойчиво притягивало внимание. И вот взгляд сам собой соскользнул вниз, и Тюра задохнулась от ужаса: она увидела тело Стормунда. Одно дело слышать среди невнятных криков, что «Стормунд убит», а совсем другое – увидеть это своими глазами. Во внезапную смерть всегда труднее верить. Он лежал неподвижно, чего никогда не бывало с живым Стормундом, и пятно крови уже засохло, и на лице его застыло нелепое выражение, удивленное и дикое... Казалось, настоящий Стормунд где-то не здесь, куда-то спрятан, а тут какая-то нелепая, даже недостоверная подделка, как тяжкое оскорбление человеческой природе...

Рядом раздался крик, и Бьярта кинулась к мужу. Она упала на колени прямо в кровавую лужу, приподняла его голову и тут же снова выпустила: подрубленная шея казалась тонкой и ненадежной, а остывающая голова – тяжелой и страшной.

– Стормунд! Стормунд! – кричала Бьярта и теребила тело за одежду на груди. Это был совсем не ее Стормунд, и она кричала, стараясь разбить этот страшный сон, вернуть

прежнего, живого мужа, не понимая, что из такой дали не возвращаются.

– Послушай, ведь он мертв! – Тюра снова заставила себя посмотреть на Вебранда и шарила взглядом по его лицу, точно хотела все же высмотреть в нем человека, способного ее услышать. – Ты сам убил его, ты отомстил за твоего отца. Если мы отдадим тебе все то, что взято нашими людьми из твоего дома, может быть, ты сможешь с нами помириться?

Вебранд молчал, спокойно глядя на нее. В глазах его не было ни злобы, ни ненависти, а только холодная решимость делать то, что он считает нужным. Несколько месяцев он шел к цели, и сейчас ничто не смогло бы его остановить. Тюре хотелось отвести глаза, спрятаться. Но она заставляла себя смотреть и лихорадочно выискивала еще какие-нибудь доводы. Пусть он зол и жесток, пусть он непримиримый враг, пусть просить его бесполезно – но она должна пытаться, должна биться тем единственным оружием, использовать единственное средство, которое у нее есть. Богиня Фригг, да слышит ли он ее?

– Не бойся, Фрейя золота, я тебе не сделаю зла, – ответил наконец Вебранд. – Ты хочешь мира, и в моем доме ты найдешь мир и покой. И даже богатство. Я верну себе прежнее и добуду новое. Ты ни в чем не будешь нуждаться.

– Чтоб ты провалился, волк проклятый! – хрипло крикнула Бьярта. Она все еще сидела на земле возле тела Стормунда, но разговор Тюры и Вебранда разбудил ее. Теперь она

все понимала, ее блестящие глаза были полны осознанной и горячей ненависти. – Чтоб ты подавился! Чтоб тебе зарезаться своим же оружием, чтоб тебя повесили вниз головой, чтоб тебя расклевали вороны и растерзали волки, чтоб кости твои валялись сто лет непогребенные, чтоб твои дети зарезали друг друга и род твой исчез без следа! Ты, подлец, волчий выродок, мерзкий оборотень! Ты узнаешь! У меня есть сын, и он отомстит тебе! Я сама отомщу тебе! Я не буду знать покоя, пока ты ползаешь по земле, серая сволочь! Чтоб все твои дети кончили дни в рабстве, в свинарнике, чтоб имя твое забыли, а если вспоминали, то с проклятием!

– Я тебя продам на Квартинге Сэбьёрну Говоруну, – спокойно ответил Вебранд на ее горячую речь. – Вместе с твоим мальчишкой. А хочет мстить – пусть попробует. Веселее жить, когда есть враги. Без них я заскучал бы. Ну, что, все вышли? Среди вас нет мужчин в женском платье?

Тюра пошла вперед, волоча за руку Кайю, за ней потянулись прочие, старая Гуннхильд вела Бьярту, которая все оглядывалась на Вебранда и сквозь рыдания бросала еще какие-то угрозы. Они отошли от двери, и толпа граннов сомкнулась за ними. Хмурясь и отворачиваясь, женщины проходили мимо убитых и даже не всегда могли отличить своих от чужих; иные с плачем тянулись к мужьям и родичам. Бьярта спотыкалась о мертвые руки и ничего не замечала.

Не оглядываясь, Тюра первой спешила прочь: протиснулась через пролом в стене, выбралась со двора и побежала к

лесу. Никто из граннов не пытался их задержать, все наблюдали за домом.

На опушке Тюра обернулась: никто их не преследовал. Она ждала увидеть облако дыма над двором, но его пока не было.

– Скорее! – задыхаясь, заговорила она и остановилась, пропуская остальных вперед себя. – Скорее бежим отсюда, пока им не до нас! Потом они вспомнят... Пойдемте к Ульвмоду, до него ближе всех!

– Он не примет нас! – Гуннхильд качнула головой. – Зачем ему наживать врагов? Разве что одну тебя, и то едва ли: этот волк сказал же, что возьмет тебя к себе!

– Он что, будет бегать по округе и искать меня во всех домах? Можно собрать людей: у Ульвмоды, у Торвида есть дружины. Они ведь не захотят, чтобы после нас он поджег и их усадьбы, а они же знают, что за человек Вебранд! Надо их предупредить! Не за нас, так хоть за себя и Ульвмод будет биться! Идемте скорее!

– Я сама буду биться! – сквозь рыдания выкрикивала Бьярта, все время оглядываясь на пригорок позади, где стоял ее дом. – Пусть мне дадут меч, я сама перерублю ему глотку!

– Идем, идем! – умоляла Тюра. – Иначе будет поздно! Он вспомнит о нас! Ты помнишь, что он обещал продать тебя как рабыню? Подумай о детях! Они уже лишились отца, ты хочешь лишить их и матери? И сделать рабами?

– Чтоб ему подавиться!

– Скорее, скорее! – Тюра помахивала свободной рукой, призывая всех двигаться быстрее. – Мальдис, иди же, иди! Бьёрн, дай матери руку! Мы должны скорее уйти отсюда, укрыться, чтобы не делать им лишних трудностей! Скорее, не оглядывайтесь! Коль, показывай дорогу! Сигрид! Бренна, возьми у деда Кнотту, он не может один нести сразу все! Идемте, идемте! Мы спасемся, не бойтесь, только шевелитесь, умоляю вас! Альв, подними рукавицу! Смотрите под ноги!

Подгоняя служанок и детей, Тюра повела всю причитающую стайку в глубь леса, по скользкой тропке, усеянной бурными листьями со снежным налетом. Она старалась не думать о том, что осталось позади. При мысли о доме и Хагире ноги подгибались и душу заполняло отчаяние, доходящее до безразличия, но она бросала взгляд на детей и вспоминала: они должны выжить и спастись! Однажды, почти пять лет назад, она уже была в таком же отчаянии: когда получила весть о гибели мужа, когда осознала, что в одиночку и без дружины не может отстоять свой дом и добро. Тогда она выдержала, добралась с дочерью и кое-каким имуществом до родичей, и жизнь снова наладилась, хотя стала уже совсем не такой, как прежде. Душа Тюры уже встречалась с горем и чувством безнадежности и теперь справилась с ними легче. Думать не надо, бояться и горевать не надо, теперь главное – передвигать ноги и тащить за собой остальных. Каждый должен биться до последнего. Хагир говорил: надо использовать

все возможности, и тогда даже поражения нечего стыдиться.

Глава 2

Начало темнеть, но все оставалось по-старому: гранны все так же стояли во дворе, а квитты сидели в доме. Хирдманы точили оружие, урывками пили воду и остатки пива. Все напряженно прислушивались, ловили каждый отзвук со двора, каждый миг ждали приступа или треска подоженного дерева, не снимали рук с оружия. Эта постоянная напряженная готовность изматывала, казалась хуже самого сражения.

— Как в кулаке у дракона! — ворчал Альмунд. — Сидишь и думаешь: вот-вот сожмет!

Но «дракон» почему-то медлил: время тянулось долго, но проходило, воздух в дымовом отверстии посерел, но слабый запах дыма так и оставался слабым: он шел от костра, который гранны разложили во дворе, чтобы согреться.

— То ли они чего задумали, то ли... — бормотал Эгдир и озабоченно качал головой.

— Им же неохота жечь дом, где полно всякого добра! —

разъяснял всем вокруг Аудвин Долговязый. – Вебранд-то не дурак: он хочет получить назад свое добро, а не угольки от него!

– Серебро не горит, – бурчал кто-то в ответ.

– Зато меха горят, полотно горит, зерно обугливается. Да и серебро из пожара на стол не поставишь: все расплавится, почернеет... Ну, я думаю, он дом-то хочет целым получить.

– Пусть попробует! – пожелал Хагир. – Он собирается нас осаждать до весны?

– А куда ему спешить?

– Думает, мы тут через недельку с голоду загнемся и он тут все голыми руками возьмет!

– Эгдир! Посмотри, какая тут есть еда!

– Только что здесь! – Эгдир кивнул в сторону очага, где стоял большой котел с остатками овсяной каши на дне. – Тут еще Тюра горох для похлебки замочила... Готовила-то на всех...

«Всех» теперь стало втрое меньше, но это не радовало, а угнетало еще больше.

– Ни одна крыса не выползет, чтобы нам помочь! – злобно бормотал Хринг кузнец. – Эта толстая сволочь Ульвмод только и умеет брать седьмую долю чужой добычи за свой паршивый корабль. А как запахло дымом, так он засел на своем насесте и носа не высунет!

– Так ведь Вебранд этого не знает! – ответил Хагир. – Он в нашей округе в первый раз, никого не знает. Он не знает,

много ли тут людей и какие из них бойцы. Он не может ждать неизвестно сколько. Вот-вот полезет опять. Он ждет, что мы перестанем ждать и заснем.

– Тихо! – Бранд Овсяный вскинул руку. – Уже пошли!

Хирдманы похватали свое оружие, положенное рядом, под рукой, и кинулись к дверям. Со двора и правда доносился шум, но к дверям с той стороны никто не приближался, возле самых стен дома тоже никого не было слышно. Шумело в отдалении, у ворот.

– Куда они? Ульвмод... Торвид... – Настороженные хирдманы перебрасывались неясными восклицаниями и ничего не понимали.

Хагир передвинул к дымовому отверстию стол, взобрался на него и кое-как выглянул из-под самой крыши. Во дворе горел костер, все было хорошо видно.

– Корабль! Они захватят корабль! Скорее, на берег! – слышался где-то возле ворот голос Вебранда, и гранны по одному поспешно протискивались в проем разломанной стены.

Для корабля граннов возникла какая-то опасность? Кто ему угрожает? Хагир не знал, верить ли своим ушам и глазам. Мерещились Торвид и Ульвмод с грозными лицами во главе дружины, но эти видения казались нелепыми и неправдоподобными. А чего еще могут испугаться многочисленные гранны на нашем пустом берегу?

Может, Вебранд затеял какую-то хитрость... какую? Ясно было одно: все гранны до одного высыпали со двора усадь-

бы и скрылись в темноте. На дворе остались только мертвые, рядом сложенные под стеной. Только они и остались охранять запертых в доме квиттов. Больше никто.

На самом деле никакой хитрости Вебранд Серый Зуб не задумывал и по доброй воле никогда не оставил бы для охраны своей добычи только покойников. От берега прибежал хирдман с тревожной вестью: во фьорде появился корабль! Из-за сумерек его заметили не сразу, но теперь он был уже близко. Дозорные разглядели красный щит на верхушке мачты и высоко задранную голову рогатого дракона на переднем штевне. Похоже на фьяллей!

– Они приплыли за моей добычей! – ворчал Вебранд на бегу, торопясь во главе своих людей к берегу. – Они же ползают по здешним местам, собирая дань! Мою добычу они считают за свою дань! Жаль мне их!

– Фьялли, фьялли! – кричал знакомый голос спереди. – Они захватили «Змея»!

Когда дружина граннов добежала до вершины откоса, уже было поздно: фьялльский «Дракон» причалил, и весь берег был полон фьяллями. Они окружили и «Змея», вытащенного на берег. Трое дозорных, задыхаясь от бега, поднялись снизу и присоединились к дружине.

Завидев над откосом множество вооруженных людей, фьялли выстроились, держа оружие наготове, но остались на месте. По узорам на щитах и по гривнам на шеях они видели, что перед ними не квитты, а какое-то из племен южного

берега.

– Кто вы такие? – яростно рявкнул Вебранд, встав над откосом. Сверху было видно, что врагов очень много, но, возвышаясь над ними, Вебранд чувствовал себя больше и сильнее всех. – Чего вам здесь надо? Кто посмел захватить мой корабль? Я – Вебранд Серый Зуб, сын Ночного Волка, и плохо будет тому, кто встал у меня поперек дороги!

– Я – Хрейдар Гордый, хёвдинг северной трети Фьялленланда! – ответил ему снизу уверенный и надменный голос. – И сыну ночных волков и ночных лисиц не стоит путаться у меня под ногами! У меня свои дела на этом берегу! Если будешь умным, то получишь свой корабль, и проваливай куда хочешь! Что ты тут делаешь?

– Я пришел сюда по моим делам!

– Если ты что-то взял в той усадьбе, то все это наше! – крикнул ему в ответ молодой и злобный голос. – Я – Ормкель сын Арне, и у меня свои счета с Стормундом и его друзьями!

– За Стормундом отправляйся в Хель! Я убил его, и вся его усадьба – моя добыча! Видит Отец Ратей!

Фьялли загудели.

– Вот поганец, чтобы его тролли драли! – яростно кричал Ормкель. – Стормунд и его дружки поубивали у меня половину людей! Я просто так не уйду! Я возьму здесь все, что мне причитается, хоть все волки и лисицы Среднего Мира будут мне мешать! Все, что тут есть, наше! И ты, троллиный

сын, лучше уходи с дороги, если хочешь быть целым!

– Я пришел первым и никуда не уйду! Никто еще не пользовался добычей, которую захватил Вебранд Серый Зуб, и не будет пользоваться! Хочешь владеть чем-то, мальчишка, добейся сам! Попробуй отними у меня! Я уж если вцепился зубами, так живым не выпущу!

– Так мертвым выпустишь! Я не уйду просто так! Я возьму свое взамен того, чего я лишился!

– погоди, Ормкель! – остановил его Хрейдар Гордый. – Не трать силы на перебранку, побереги для битвы. Послушай, ты, Вебранд Серый Зуб! – крикнул он гранну. – Если уж мы оба хотим взять наследство Сормунда Ершистого, то нам тут не разойтись. Сейчас уже ночь, а утром мы померяемся силой дружина на дружину, и победитель возьмет усадьбу и все, что сумеет. Ты принимаешь условия?

– Уговор не хуже других! – согласился Вебранд. – Я ничего еще не отдавал просто так! И не бойся, что я сбегу – никогда я еще не бегал от хорошей драки! Клянусь именами Гери и Фреки! На рассвете поднимайтесь сюда – тут хорошее просторное место.

Вместо корабельного сарая на берегу дымило еще горячее пожарище; раздув угольки, фьялли устроились на ночь прямо на песке возле своего «Драконе». Ормкель сын Арне был угрюм и зол на весь свет: судьба опять обманула его, да как подло! Там, на Ветровом мысу, едва лишь он увидел Хрейдара Гордого, входящего в подклет вслед за Сэбьёрном, как

сразу поверил, что боги не оставили его. Хрейдар не слишком обрадовался, узнав среди рабов своих соплеменников и особенно Ормкеля, которого встречал еще в дружине Торбранда конунга и Асвальда Сутулого. Между ними не имелось родства и не водилось дружбы, но сага о пленении «Златорогого» не могла оставить Хрейдара равнодушным.

– Хорошо, я выкуплю тебя! – пообещал он в ответ на беспорядочные горячие просьбы Ормкеля, больше похожие на требования. – Квиттам нельзя давать распускаться! Хотя ты сам виноват!

Радуюсь, что нашел такого выгодного покупателя, Сэбьёрн Говорун запросил полторы марки серебра за человека. Сколько-то он продал еще до того, за время праздников, и в подклете вместе с Ормкелем оставалось всего семнадцать пленников, но теперь они принесли ему доход, за который он должен был благодарить Гельда Подкидыша.

Но если долг благодарности люди помнят не всегда, то долг мести лежит на душе пылающим углем.

– Один из этих гадов здесь – Гельд Подкидыш! – настойчиво твердил Ормкель Хрейдару, едва лишь выбрался из темной и душной рабской каморы и снова почувствовал себя человеком. – Он здесь, я слышал, он собирался пробыть тут все праздники! Надо найти его! Дай мне меч, я сам его убью!

– Тебе что, все еще натирает шею рабский ошейник? – презрительно осведомился Хрейдар Гордый. – Остынь! Только раб мстит сразу, ты забыл? Нечего кидаться на перво-

го, кто тебе подвернулся! И нечего смотреть на Гельда Подкидыша! У меня всего сорок человек, я плыл сюда не для драки! У меня четыре торговых корабля и всего один боевой. Я не так глуп, чтобы ссориться с конунгом кваргов на его земле, имея свои корабли и товары в его сараях! А Гельд – любовник его сестры, и непохоже, чтобы Рамвальду конунгу это не нравилось. Они вместе обделывают торговые дела, и Рамвальд так просто его не отдаст. А еще умный человек вспомнил бы про Хеймира конунга...

– Очень надо про него помнить! – В запале ярости Ормкель не желал быть умным человеком. – Он за морем!

– Я и говорю: про него подумал бы умный человек, а не такой разгильдяй, как ты! – прямо определил Хрейдар. Его, как видно, прозвали Гордым не только за посадку головы, а еще и за то, что никому другому он быть гордым не позволял. – Впрочем, как хочешь. Ты теперь свободный человек, и я не скоро забуду, в какую сумму ты мне обошелся. Половину я обещал отдать железом, да по такой цене, что это и есть грабеж, хотя и без мечей! А теперь ты можешь драться хоть со всеми конунгами Морского Пути, но только у тебя будут твои семнадцать человек, ваши драные вонючие штаны и те палки, которые вы себе выломаете в лесу. Я вам больше помогать не намерен. Помогать дуракам – только зря связываться в неприятности.

Выслушав все это, Ормкель принудил себя остыть. Ему стало стыдно за свой порыв: только раб мстит сразу, верно,

есть такая пословица. Но было слишком нестерпимо знать, что один из обидчиков так близко, сидит за столом у конунга, мысленно пересчитывая серебро, полученное за него, Ормкеля, и его людей, и пьет пиво, которое ему подносят красивые девушки. Человек, владевший Ормкелем как рабом, не имел права ходить по земле, но вспоминать об этом вслух не слишком приятно.

– А Фримод ярл уже сидит у себя дома и хвастается на пирах моим кораблем! – буркнул он чуть погодя.

– А ты хотел бы, чтобы он стыдился твоего корабля? Кстати, Гельд Подкидыш собирается плыть с конунгом на юг. Я слышал, они вчера на пиру говорили об этом.

– И что же – позволить им веселиться по всему Морскому Пути и хвастаться своими победами?

– Пусть похващаются, – невозмутимо позволил Хрейдар. – Почему бы им не похвастаться – на это каждый свободный человек имеет право. Ты по себе помнишь... А чем больше человек хвастается, тем больше потом его позор. Пусть пока пьют пиво, их черед еще придет. А мы, если тебе уж так не терпится, можем навестить по дороге домой твоего Стормунда Ерша. Все равно нам плыть в ту сторону. А там я верну вашу стоимость. Если что-то останется, можешь взять себе. Со временем построишь новый корабль и наберешь новых людей. Только я не уверен, что Асвальд Сутулый доверит тебе свою дружину еще раз. Зато потом ты будешь мстить, кому пожелаешь. Надеюсь, ты наберешься со

временем ума, и если погибнешь, то не хуже, чем твой отец. Подумай о нем – он пал в битве в Пестрой долине, на самом перевале, и память о нем всегда будет дорога фьяллям! А ты чуть было не кончил жизнь в свинарнике!

– Никогда! – пылко восклицал Ормкель. – Никогда я не стал бы делать рабскую работу! Клянусь Отцом Павших!

– Клянись осторожнее, он ведь все слышит! Он тоже видел, как ты сидел в рабской камере в вонючих штанах и выл от голода и злобы! Не знаю, как бы ты выбрался оттуда без моей помощи!

И Ормкель умолк, поскольку кроме непримиримой решимости у него в запасе ничего не имелось. Две попытки к бегству, предпринятые еще по пути сюда, кончились смертью трех фьяллей и раной самого Ормкеля; то, что при этом погиб один человек из дружины Гельда, а самому торговцу пришлось заплатить за разломанную крышу сарая и за испуг хозяев там, где в тот раз ночевали, не слишком помогало пленникам.

И вот такая досада! Стормунд Ершистый уже убит, убит каким-то подлецом из племени граннов, который лишил его возможности отомстить! В ярости Ормкелю хотелось вцепиться зубами в кромку щита, как делают в ярости берсерки.

Вебранд Серый Зуб был полон решимости отстоять свою добычу и свое право мести, но, вернувшись к Березняку, обнаружил, что последнее от него ускользнуло. Двери дома оказались открыты, дом стоял пустой, как скорлупа от съе-

денного ореха. Во всех постройках остались лишь раненые гранны, которых сам Вебранд еще днем приказал там устроить.

А в гриднице на почетном хозяйском месте сидело тело Сормунда Ершистого, прихваченное веревкой к спинке, чтобы не упало. На коленях мертвый хозяин держал один из лучших кубков, привезенных из похода, и Вебранд без труда узнал свое прежнее имущество.

– Тролли вас дери! – вскрикнул он, при свете факелов разглядев, кто это так вольно развалился на хозяйском месте в покинутом мертвом доме.

Зрелище было жуткое. «Посадим его! – решил Хагир, когда квитты перед поспешным уходом занесли тело хозяина в дом. – Пусть встречает, кто бы ни пришел». Ни на достойное, ни даже на недостойное погребение времени решительно не оставалось, но нельзя же оставить славно погибшего воина лежать на земле у дверей.

– Надо бы наших посадить за стол! – Помолчав, Вебранд оценил замысел, хмыкнул и кивнул в сторону двора, имея в виду своих погибших, оставленных снаружи. – Будет тут чистая Валхалла!

– Двенадцать человек одними убитыми! – мрачно сказал один из его хирдманов, Морд, острым лицом и быстрыми темными глазками и правда похожий на куницу.⁵ – Да раненых пятнадцать человек. Еще двоих непонятно за кем счи-

⁵ Слово «Морд» означает «куница».

тать. Блир едва ли до утра дотянет. А этих козлиных голов там полсотни.

– Да хоть сотня! – Вебранд сразу перестал ухмыляться. – Собираем все, что в доме есть подходящего. Вынести все из дома и сложить в лесу! Завтра отобьем «Змея» и поплывем отсюда. И пусть фьялли глодают кости этой усадьбы! Можно и поджечь напоследок. Но не сейчас, а то сами без крыши останемся. Давайте шевелитесь!

Гранны принялись обшаривать дом. Все ценное увязывали, укладывали в мешки и выносили во двор. Дозорные стояли у обрыва, сторожа, чтобы фьялли не заперли граннов в усадьбе так же, как те совсем недавно заперли квиттов. Об участии исчезнувших хозяев Березняка никто не знал, да о них сейчас и не думали.

– Напрасно мы собираем столько всякой дряни! – ворчал Трёг, один из старых хирдманов. – Это если будет попутный ветер и никто не будет за нами гнаться! У нас едва наберется по человеку на весло! Мы так не далеко уплывем! А до дому нам и вовсе не добраться! Мотаться на весле целый день – у нас таких великанов нет! А если буря! Дрянное дело ты придумал, Вебранд! Надо бросать всю эту дрянь и валить отсюда! Ну, сожги, чтоб никому не досталось! Мы это не увезем и только пропадем задаром!

– Помолчи! – оборвал его наконец Вебранд, за шумом сборов не сразу разобравший, о чем тот ведет речь. – Чтобы я отдал мою законную добычу каким-то вонючим козлам?

Плохо ты меня знаешь, старый лентяй, а ведь полвека знакомы! Ничего я им не отдам! И двадцать человек на весла хватит! Нам бы уйти отсюда, а там можно людей и нанять! Тут есть чем расплатиться! Мое серебро... Мировая Змея, где же мое золото? Или они так хорошо его спрятали, или взяли с собой! Чтоб вас тролли драли! Ночью искать еще и тех подлецов, что сбежали отсюда с моим золотом... Эх, умей я превращаться в волка, как мой отец, я бы им всем показал, как стоять у меня поперек дороги!

Вебранд не знал тогда, что искать квиттов ему долго не пришлось бы. Когда гранны выносили мешки с добычей на опушку леса и складывали под первой-второй елью, их отлично видел Хагир, стоявший за соседним стволом. По пустырю перед усадьбой разливался лунный свет, но в лесу было темно, а зажигать факелы гранны не хотели, чтобы не привлечь к своим делам взгляды фьяллей. Но Хагир без труда понял, что они делают. Он слышал разговор Вебранда с Ормкелем и Хрейдаром и теперь напряженно размышлял, что делать.

Квитты ждали его неподалеку на поляне. Зажигать огонь не стоило, лунный свет сюда почти не проникал, и едва ли самый зоркий глаз высмотрел бы среди деревьев неподвижно стоящих людей. Хагир, выходя на поляну, не столько видел своих товарищей, сколько угадывал, где кто. Когда знаешь каждого не хуже родного брата, то и осколок блика в нагрудной пряжке скажет, что это Лейг, а в смутном пятне

лица чуть выше твоего собственного узнаешь Аудвина Долговязого. Другое дело, попади сюда кто-то чужой – решит, лесные тролли... Вспомнилось почему-то сказание о конунге Гюльви, который тоже обнаружил в лесу поляну, а на ней – двенадцать асов на престолах... Двенадцать есть, только безо всяких престолов. Люди – не боги, им приходится стоять на своих ногах и даже самой малой удачи добиваться тяжким трудом.

В ожидании Хагира квитты вполголоса спорили. Выйдя из усадьбы, некоторые предлагали сразу искать помощи у соседей, но Хагир удержал людей: сначала следовало выяснить, что за корабль пришел и чего теперь стоит ждать. Весть о появлении фьяллей одних испугала, других обрадовала.

– Пусть они колотят друг друга, нам только лучше будет! – возбужденно твердил Хринг кузнец, даже повеселевший от таких новостей, и для наглядности молотил кулаком одной руки о ладонь другой, с повязкой возле локтя. – Пусть колотят, а потом мы добьем оставшихся!

– Зачем добивать, пусть сами! – отвечал ему осторожный Эгдир. – Нам боги послали фьяллей! Пусть они разобьют Вебранда!

– А потом? – насккивал Альмунд. – Ну, разобьют они Вебранда, допустим, хотя я не уверен. А потом? Думаешь, они помашут ручкой нашему Березняку и поплывут домой к маме? Что-то не верится!

– Мне тоже не верится! – поддержал его Хагир. – Ормкель

приплыл не за Вебрандом, а за нами. Он знает, что Стормунд убит, но едва ли это его успокоит. Насколько я его знаю, он не успокоится, пока от Березняка не останутся угли, а мы с вами не будем висеть на всех прибрежных дубах вверх ногами! Даже если он разобьет Вебранда, потом он примется за нас!

– Вот я и говорю! – поддержал Эгдир. – Надо отсюда двигаться. Пока не поздно.

– Куда двигаться, куда двигаться? – возмутился Хринг кузнец. – В какую-нибудь лисью нору? Да лучше погибнуть с честью...

– С честью, но и с толком! – сказал Хагир. – Если мы просто выйдем навстречу фьяллям и дадим себя перебить, это будет не слишком славный подвиг.

Тут уже все замолчали и вопросительно посмотрели на него.

– Удивляет, что такие речи ведет потомок Лейрингов, – осторожно обронил Лейг, намекая, что неплохо бы разъяснить. – Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что у нас остались женщины, дети, старики и раненые. Если нас перебьют, куда они денутся? Куда денется вдова Стормунда с маленькими детьми? У нее больше нет родни. Что она будет делать, если все добро до последнего горшка будет увезено, а дом сожжен? И ваши, если помните, матери и жены вместе с ней останутся без крова и без куса хлеба. Никто, я полагаю, не думает, что Ульвмод или Торвид будет счастлив взять их на попечение?

– Ну, это да... Ульвмод – дожидайся... Это верно... – негромко загудели мужчины. – Так чего делать-то?

– Мы должны сохранить хоть что-то. Мы не можем одолеть двух противников. Мы даже не можем ждать, пока один одолеет другого. Фьялли сильнее, у них больше людей. Их вожак знатнее и удачливее. Вебранд будет побежден, а одолеть фьяллей мы с вами не сможем. Нас всего тринадцать человек, и даже после битвы с Вебрандом у Ормкеля все равно останется больше. А если дать ему победить, он все равно будет нас искать. И не успокоится, пока не найдет. Он перевешает кого угодно, лишь бы отомстить нашим местам. Если он не поймает меня, то повесить на дубу Торвида ему тоже будет приятно. А меня это не устраивает. Те самые мои предки, о которых ты, Лейг, говорил, мне не позволят с этим примириться. И выход я вижу только один. Мы должны помириться с граннами и вместе с ними выйти против фьяллей.

«Ты с ума сошел!» Кажется, никто не произнес этих слов вслух, но они прямо-таки висели в изумленной тишине.

– Ты хочешь помириться с Вебрандом? – изумленно произнес наконец Эгдир, и по голосу его было слышно, что он считает это совершенно невозможным.

– Не могу обещать, что у меня это получится, но попытаться я должен. Брат моей матери Ингвид Синеглазый говорил: надо использовать все возможности, и тогда не будешь винить себя даже за поражение. Стыдиться надо только малодушия. А искать славной бесполезной смерти сейчас – ма-

лодушие. Мы должны не погибнуть, а спасти своих домочадцев и округу, раз уж по нашей вине на нее набросились такие волки!

– Скорее Тор помирится с Мировой Змеей!⁶ – нервно хихикнув, добавил Бранд Овсяный.

– Почему? – убеждающе произнес Хагир. Он уже все обдумал, и ему этот выход вовсе не казался невероятным. – Наша вражда не такая уж старая и непримиримая. Он обидел нас, когда захватил в плен Стормунда, а мы обидели его, когда ограбили его дом. Я убил его отца, который, кстати сказать, и без того был мертв, а он убил моего вожака. Мы с ним в расчете. И я думаю, он сможет это понять! Он – не самый приятный человек в Морском Пути, он порядочный гад, если сказать прямо, но далеко не дурак! Он должен понять, что лучше нам с ним потерпеть друг друга, чтобы всем выжить, чем гордо погибнуть поодиночке! Нам же с ним не обязательно всю оставшуюся жизнь ходить в обнимку! Нам бы только разобраться с фьяллями и выбраться отсюда, а там я надеюсь всю жизнь его больше не видеть!

– Он на это не пойдет! – Эгдир покачал головой, и озадаченный Хринг кузнец тоже мотал головой вслед за ним. – Не согласится! Да разве он будет мириться? Да никогда!

– Посмотрим! Он не хочет умирать.

– Да он скорее помирится с фьяллями, чем с тобой!

⁶ Змея Мидгард – противник бога Тора и его убийца в великой битве перед гибелью мира.

– Не думаю. Я слышал, как они между собой учтиво беседовали.

– Увидишь!

– Но попытаться стоит.

– А как? – спросило сразу несколько голосов.

– Я пойду к нему, – просто сказал Хагир. – Я сам с ним поговорю.

– Ты с ума сошел! – повторил вслух Хринг кузнец то главное, что вертелось у него в мыслях. – Да он зарубит тебя без разговоров, как только увидит! Он же знает, что это ты убил его папашу-оборотня!

– Ну, если так, я ведь тоже могу его зарубить, – заметил Хагир. – Это ведь Стормунд ему два раза уступил. А я с ним еще ни разу не дрался.

Больше никто не возражал, и Хагир шагнул прочь с поляны. Его провожали молчаливыми взглядами, тревожными и уважительными разом. Это безумное с человеческой точки зрения решение могло быть подсказано богами. Пусть идет, если так уж верит в свою правоту. Лучше делать хоть что-то, чем ничего.

На поляне перед воротами усадьбы несли дозор двое граннов. Время от времени они окликали товарищей, стоявших на тропе к морю. По небу бежали облака, через их темные косматые обрывки порой проливалось немного лунных лучей, но чаще на поляне царила тьма. Внимание дозорных бы-

ло направлено в основном в сторону моря, и они не сразу заметили, что из темноты леса выдвинулось что-то живое. Высокая темная фигура обозначилась уже совсем близко, шагах в пяти перед воротами. Один из дозорных вскинул копье, а второй отшатнулся назад.

– Троль! – охнул изумленный голос, и второй гранн тоже отступил, держа копье острием к ночному гостю.

– Ты кто такой? – гневно крикнул он, сердясь за свой испуг. – Троль? Разбей тебя молния, вон отсюда!

– Мне нужен Вебранд Серый Зуб, – ответил ему спокойный человеческий голос. – Позовите его.

– Кто ты такой? Зачем тебе Вебранд?

– Я – Хагир сын Халькеля. Он будет рад меня видеть.

Острия копий склонились в руках изумленных граннов к самой земле. Появление настоящего тролля показалось бы менее невероятным.

– Уж это точно! – проворчал тот, который поначалу испугался. – Ты же сквозь землю провалился, а теперь вылез. Я же говорю, троль.

Он скрылся в проеме разломанных ворот. «Что? Где? Не врешь? Мировая Змея!» – довольно скоро закричал знакомый голос по ту сторону стены. В проломе заблестел огонь, и сам Вебранд с факелом в одной руке и мечом в другой проворно пролез между изрубленными бревнами.

Хагир стоял в пяти шагах от стены, опираясь на копье с древком из остролиста, со следами звериных зубов на

острие. Неясная высокая фигура с блестящим копьём казалась нечеловеческой, похожей скорее на какого-то альва ночных небес, если такие бывают.

– Это правда ты? Хагир сын Халькеля? – Сделав шаг от ворот, Вебранд остановился и прищурился, стараясь рассмотреть ночного гостя. На чужой земле, в окружении врагов, он ждал от людей и нелюдей каких угодно пакостей. – Ты, последний из Лейрингов? Я не обознался? Жалко было бы ошибиться в такой радости! А я уж огорчился, что ты опять от меня сбежал. Думал, так и будешь от меня бегать, как солнце от волка,⁷ а ты все-таки сам пришел!

Вебранд шагнул еще раз, и Хагир с трудом сдержал желание попятиться назад во тьму леса. Он сам не мог разобраться, какое чувство вызывает в нем убийца Сормунда; Хагир видел в нем единственное средство возможного спасения, а все прочее оказалось отодвинуто как менее важное. Преобладало чувство острого, мучительного недоверия, но Хагир принудил себя прийти сюда и намеревался довести сомнительное дело до конца. Надо использовать все возможности...

– Зачем же ты пришел? – расспрашивал Вебранд, и Хагир слышал в его мнимо-ехидном голосе призыв того же тревожного недоверия. – Присмотреть, не обижаем ли мы тво-

⁷ В мифологии древних скандинавов солнце преследует волк, жаждущий его сожрать, поэтому дева Суль, везущая солнце в колеснице, должна спешить изо всех сил.

его хозяина? Хе-хе! Напрасно! Напрасно ты так плохо обо мне думаешь! От меня нет покоя моим врагам, пока они живы, но мертвые могут меня не опасаться. Будь уверен! Вот буду я малость посвободнее, так даже сам позабочусь о погребении. Правда, правда! Как у вас принято: жечь или сажать в сруб? Под землю или под насыпь? Или, может, в ладье пустить по волнам? Ты скажи, я все исполню! Хе-хе! Вот только малость разберусь с делами... Мне тут малость досаждают мухи, хе-хе! Ну, что ты молчишь? Или ты призрак? Так сразу и скажи!

Хагир молчал. Чем больше болтал Вебранд, выдавая тем самым свое беспокойство, тем спокойнее становился он сам. Все надуманные страхи, жившие в нем уже полгода, сейчас растаяли; вдруг стало очевидным, что Вебранд Серый Зуб – не зверь, не великан, даже не оборотень, а такой же человек, как и все, человек, который не знает, доживет ли до завтрашнего дня, но безусловно хочет дожить.

– Нет, я не призрак, – ответил наконец Хагир, когда Вебранд умолк. – Я пришел поговорить с тобой, как человек с человеком.

– Да ну? – Вебранд изобразил изумление, заморгал и широко развел руки с мечом и факелом, отчего на виду остались только факел, а вся фигура утонула во мраке. – Надо же, до чего я дожил! – продолжал голос из темноты. – А то куда ни приду, так сразу: «Проваливай, проклятый оборотень!» Неужели последний из славных Лейрингов удостоит меня

дружеской беседы?

– Не пригласишь ли ты меня в дом? Мне не хотелось бы, чтобы нашу беседу слышали те ребята внизу. – Хагир кивнул в сторону моря.

– Не волнуйся, здесь далеко, а мои ребята сторожат на обрыве... Впрочем, если хочешь ко мне в гости, я очень рад! Я-то тебя еще когда приглашал... Правда, немножко не в этот дом... Хе-хе!

Вебранд приглашающе взмахнул факелом в сторону ворот. Его очень забавляла мысль по-хозяйски провести в дом того, кто был здесь хозяином лишь сегодня днем.

– Вы-то не хотели открыть мне ворота! – обиженно ворчал Вебранд, пропустив Хагира вперед и вслед за ним протискиваясь в пролом. – И дверь-то не хотели...

Хагир молчал. Он никогда не отличался склонностью к шуткам, а сейчас был по-особому сосредоточен. Вот это и называется – ходить по лезвию меча. Сейчас этот дом, где Хагир прожил восемь лет, казался совершенно чужим и опасным. Бревна остались те же, но с приходом чужаков сам дух дома стал чуждым и враждебным.

Вебранд шел за ним; Хагир всей спиной и затылком ощущал его присутствие, но удара не боялся: даже полуоборотень не посмеет предательски, да еще и ночью, убить пришедшего с миром, не посмеет так разгневать богов перед завтрашной битвой.

– Ну, садись! – В гриднице Вебранд ткнул рукой в сторону

скамьи. — Уж не знаю, где тут было твое место!

Гранны, окружив их кольцом, настороженно смотрели на своего вожака и гостя-квитта. Многие узнавали его в лицо после двух предыдущих встреч в море. Круглолицый курносый парень смотрел мрачнее прочих, помня тот страх и унижение, которых натерпелся, пока дружина Хагира хозяйничала в Ревущей Сосне.

Мельком оглядевшись, Хагир заметил тело Стормунда на хозяйском месте, где они его оставили. То ли у Вебранда не хватает смелости его снять, то ли, наоборот, хвастается отвагой, что не боится сидеть в одном покое с мертвецом. Что он подумает о нем, Стормунд, видя, как его товарищ сидит за дружеской беседой с его убийцей? «Так надо!» – мысленно твердил Хагир, обращаясь и к Стормунду, и к самому себе. В памяти мелькнуло искаженное лицо Бьярты с безумно блестящими глазами; ради спасения домочадцев вожака приходилось отказаться от немедленной мести за него, и Хагир верил, что его выбор оправдан. Бывают случаи, когда мнимая трусость требует наивысшей смелости.

– Пива нету! – доложил Вебранд, усевшись рядом с Хагиром. – Вы его выпили сами, да еще и мои кубки уволокли!

– Мы мало что взяли! – Хагир пожал плечами. – Нам было некогда собираться.

– Но самый лучший взяли! Драгоценный серебряный кубок из наследства Фафнира!

– Дракон Памяти?

– Да, говорят, его так звали. Где мое сокровище?

– Это мое сокровище, – миролюбиво, но твердо ответил Хагир. – И никакого он не из наследства Фафнира. Это родовое достояние Лейрингов, я знал его с детства.

– Не надо было упускать из рук! Теперь он мой!

– Ты, заметь, его тоже упустил из рук. Теперь Дракон Памяти принадлежит тому, кто им владеет.

Вебранд пристально посмотрел ему в глаза, и Хагира пробрала дрожь: несомненно, сейчас тот вспомнил, что кубок упустил не он, а его отец-оборотень...

– Все-таки это был ты! – глухо пробормотал Вебранд. – А я-то все гадал... Ты!

– Я! – так же тихо подтвердил Хагир. Лгать он не мог даже ради такого случая: если они все же сговорятся, то лишь с открытой душой. – Но ведь ты убил Стормунда. У меня осталось мало родичей, и последние восемь лет он был моим ближайшим другом. Его можно приравнять к отцу. Я бы сказал, что мы с тобой в расчете.

Вебранд не отвечал, глядя ему в глаза со странным чувством: не то изумления, не то ненависти... недоверия... зависти... Хагир не мог понять смысла этого тяжелого взгляда, но от него пробирала дрожь, точно змейка с жесткой чешуей ползет по самому позвоночнику, и он снова поверил, что кровь оборотня – не пустой звук. В глазах Вебранда появилось что-то нехорошее; какой-то зверь заворочался в нем, готовясь к прыжку. Хагир невольно напрягся, уже проигрывая про себя то движение, каким выхватит меч, чтобы защищаться, если «зверь» все-таки прыгнет.

– Не думал я, что найдется человек, способный его одолеть, – пробормотал Вебранд, и Хагир не понял, надеялся сын оборотня на непобедимость Ночного Волка или боялся ее. – Так где мой кубок?

– Сдается мне, что мы делим добычу фьяллей! – намек-

нул Хагир, с облегчением чувствуя, что «зверь» не прыгнул и опасность отступила: если уж полуоборотень заговорил о кубке, значит, вопрос о мести посчитал решенным. – Что толку нам с тобой спорить, если к Празднику Дис этим кубком будут хвастаться Ормкель сын Арне или Хрейдар Гордый?

Вебранд промолчал: увлеченный появлением Хагира, он почти забыл о фьяллях.

– Я пришел к тебе из-за этого: чтобы предложить тебе союз против фьяллей, – продолжал Хагир. – Конечно, нас с тобой нельзя назвать друзьями, но оставаться врагами сейчас нам было бы глупо. Ты убил Стормунда, и даже я, хотя я клялся ему в верности, признаю, что ты имел право на эту месть. Теперь мы в расчете кровью, а что касается богатства, то мы оба можем лишиться всего. Фьялли стоят во фьорде и не выпустят отсюда ни тебя, ни меня. А разбить фьяллей мы можем только сообща, если объединим твоих и моих людей. Мы разобьем фьяллей и тогда поделим наше имущество пополам. У тебя не хватит гребцов, чтобы увести «Змея», даже если ты и отобьешь его у фьяллей. А после битвы их ведь станет еще меньше. С моими людьми мы вместе сможем увести корабль, а ты за это отвезешь нас туда, куда мы скажем, и высадишь с нашей долей имущества. По-моему, такой союз был бы выгоден нам обоим и не уронил бы ничьей чести. Как тебе думается?

– Я сам могу одолеть кого угодно! – надменно воскликнул

Вебранд. Эту речь он слушал с трудом, все время порываясь перебить.

– Да, конечно, но не сейчас, – твердо заверил Хагир. – У фьяллей человек шестьдесят или семьдесят, а у тебя от силы сорок. Из них кое-кто ранен. А Оормкель и Хрейдар не менее упрямы, чем ты. После битвы у тебя и половины людей не останется. Допустим, ты победишь, но как ты поплывешь отсюда? Или ты думаешь, что наши соседи не сообразят ограбить победителя? Да они уже сейчас сидят с оружием наготове и ждут своей очереди.

– Я покажу таким выскочкам, кто задумает ограбить меня! – запальчиво воскликнул Вебранд. Теперь он вдруг разволновался, так что губы и руки у него затряслись, а тяжелые веки часто замигали. – Если кому-то удалось меня ограбить, то пусть он не думает, что я каждый день позволяю играть с собой... такие шутки!

– Нет, конечно, нет! – заверил Хагир и поймал себя на воспоминании, как, бывало, умирлял разбушевавшегося Стормунда.

Сердце защемило, и он сел по-другому, чтобы даже краем глаза не видеть тела на хозяйском сиденьи. И Вебранд, который убил Стормунда и которым Хагир с таким малым успехом пытался возместить свою потерю, показался противен, как помесь ежа и гадюки.

– Ты хочешь потерять большую часть дружины? – продолжал он, с усилием сдерживая неприязнь и заставляя себя де-

лать то, зачем пришел. Пусть он наполовину оборотень, но половина-то человека в нем есть! К этому-то человеку Хагир обращался и верил, что кровь оборотня его не задавит. – Ты очень смел и самоуверен, но не думаешь же ты, что перебьешь фьяллей, не потеряв ни одного человека? Или у тебя одни берсерки? Так и фьялли чего-нибудь да стоят – я не должен, надеюсь, тебе объяснять, что они умеют драться? Нам и вместе-то придется трудно, но тогда будет хотя бы надежда одолеть!

Вебранд хотел что-то ответить, но встретился глазами с Хагиром и замолчал, настороженно вглядываясь в собеседника. Сомневаться в честности слов и намерений Хагира не приходилось: он был даже слишком открыт и сам сознавал свою уязвимость, не припасши никакого камня за пазухой, но и гордился тем, что открыто смотрит в глаза людям и судьбе. Взгляд Вебранда изменился, мысли вдруг перескочили с одного совсем на другое. Перед ним было худощавое, твердое лицо с прямыми чертами, глаза под черными бровями смотрели требовательно и притом с надеждой на понимание. Сейчас показалось, что от напряжения они чуть косят внутрь, но от этого взгляд приобрел сходство со стрелой, что вот-вот сорвется с тетивы и полетит точно в цель. Все это вместе напоминало Вебранду что-то далекое, забытое.

– Хе! – Вебранд хмыкнул, и Хагиру показалось, что тот совсем забыл, о чем они говорят. – Ты знаешь кто? Ты – Ингвид Синеглазый! Один к одному!

– Ничего странного! – Хагир несколько растерялся от такого поворота. – Он был братом моей матери, а ведь даже пословица есть, что каждый рождается в дядю по матери... А ты его знал?

– Было дело! – Вебранд хехекал и крутил головой, совершенно не желая рассказывать, каким же образом это дело было. – Встречал! И ты – опять он! Я думал, он помер давным-давно, а тут ты мне попался! Не дело было тебе служить этому крикуну, который сейчас поднимает кубки в Валхалле! – Вебранд кивнул на тело Стормунда. – Ты сам – хороший вожак! Будь ты моим врагом, я гордился бы тобой! С таким врагом веселее жить, и как-то себя уважаешь!

Хагир невольно улыбнулся: ему было приятно, что даже Вебранд увидел в нем сходство с дядей, которым он так гордился.

– Для достойного человека можно сделать многое! – заверил он. – Всю оставшуюся жизнь я с удовольствием буду твоим врагом. Но сейчас это никак не получится, иначе одного из нас убьют фьялли. Уж одного-то наверняка. Не утверждаю, что это будешь ты, но оба мы с тобой уцелеем едва ли. Ты же не захочешь, чтобы Ормкель отнял у тебя мою смерть, как ты у него отнял Стормунда?

Это все прозвучало не слишком умно и складно, но Вебранду понравилось. Все-таки восприятие его было немного «вывихнутым» – сказывалась отцовская кровь, – и то, на что Хагир шел по необходимости, через силу, ему казалось при-

влекательным само по себе.

– Чтобы я выдавал паршивым козлам моих друзей или врагов? – с каким-то ликованием возмутился он. – Да никогда! Пусть этот Ормкель подавится тухлой селедкой, которую сам зубами поймает в море! Мы ему дадим! Он у нас без штанов к великаншам поплывет!⁸ Хе-хе!

Вебранд даже потерял руки, а потом хлопнул Хагира по плечу. Ему казалось очень забавным помириться с тем, кого судьба предназначила ему во враги, и таким образом посмеяться над норнами. А Хагир смотрел в его повеселевшее лицо и не знал, верить ему или нет. Сын оборотня слишком часто менял облик.

– Ты здорово придумал! – одобрил Вебранд наконец. – Так мы и сделаем!

– Мы поклянемся быть верными помощниками друг другу, пока судьба не позволит нам самим распоряжаться собой! – серьезно добавил Хагир, держа в уме, что клятва должна быть составлена строго и не оставлять никаких лазеек для коварства. – Мы поклянемся биться плечом к плечу и честно выполнить обязательства после битвы.

– Само собой! Чего ты там говорил насчет добычи? Попоплам! Да забирай! Чтобы я жалел паршивых горшков и зерна? Мне надо будет, я еще раздобуду! Сколько пожелаю! – охотно восклицал Вебранд, обрадованный случаем удивить людей и богов таким невиданным великодушием и благород-

⁸ Имеются в виду морские великанши.

ством. — Конечно, поклянемся! И вы все поклянетесь! — Вебранд живо огляделся, окидывая взглядом своих удивленных хирдманов. — Не каждый день так везет! Не каждый день встречаются такие достойные люди! — Он снова хлопнул Хагира по плечу. — Ты бы знал, с какой мелочью и дрянью я всю жизнь возился! Всякие лисы твякают из нор, а как есть случай, так кусают исподтишка... Для такой радости не жаль серебра! Бери что хочешь! Ну... разве что Дракона Памяти...

— Давай поговорим о Драконе после, — сдержанно предложил Хагир. — Сейчас не время его делить.

Говоря так, он на самом деле твердо знал, что никогда и никому не отдаст возвращенное достояние предков. Если ради кубка Вебранд захочет опять увидеть в нем «хорошего врага», что ж, пусть. Но не сейчас.

Была глухая ночь, но в покоях Овечьего Склона, усадьбы Ульвмода Тростинки, почти никто не спал. Все мужчины легли не раздеваясь, положив оружие поближе. Сам хозяин ворочался с боку на бок на своей лежанке, и все его домоладцы настороженно прислушивались к тишине. Женщины и прочие беглецы из Березняка разместились частью в девичьей, частью в кухне. Увидев их заплаканную толпу с неряшливыми узлами, уразумев суть их сбивчивого рассказа, Ульвмод опешил, и, пожалуй, только растерянность не дала ему сразу отказать им в приюте. Он пустил их в дом, но потом, как казалось Тюре, жалел об этом. Ни единого слова обод-

рения, ни одного сердечного взгляда... Даже на нее, которая так ему нравилась, Ульвмод смотрел с опасливым недовольством, не как на женщину, а как на тлеющую головню, грозящую сжечь его дом. Может быть, Тюра понапрасну обижала его в мыслях, но его дом и сам Ульвмод вовсе не казались ей надежной защитой. Появись дружина Вебранда перед этими воротами – и хозяин с готовностью выйдет наружу всех, кого потребуют гранны. А ведь у него есть дружина, способная биться...

Спали только младшие, остальные лежали на скамьях и на полу без сна. Наговорившись и наплакавшись до изнеможения, беглецы умолкли: одни горевали о близких, другие ждали – придут за нами враги сюда, не придут?

Тюра сидела возле очага, уронив руки на колени и сжимая пальцы с такой силой, точно пыталась удержать что-то расползающееся. Она почти не двигалась, и только тогда, когда огонь в очаге начинал опадать, спохватившись, принималась поспешно подкидывать ветки и чурбачки. Поддерживать этот огонь ей казалось так важно, как будто от него зависела дальнейшая судьба всего мира. Пока огонь горел, пока его рыжий свет не пускал сюда тьму зимней ночи, Тюре не верилось, что день кончен и с ним безвозвратно ушла в прошлое усадьба Березняк со всей привычной жизнью. Ночь, потом утро... Утро без Стормунда и Хагира... После ночи будет новый день и новая жизнь, там придется признать все потери. Нет, еще не ночь! Тюра бросала ветку за веткой в

огонь, отталкивала ночь, почти веря, что этим самым продлевает жизнь тех, с кем она рассталась.

Стормунд и Хагир... Стормунда она видела мертвым, и это зрелище разом вычеркнуло его образ из ее мыслей о будущем. Тюра любила родича, но скорби по нему сейчас не ощущала: все силы ее души сосредоточились в мольбе о спасении оставшихся – и тех, кто пришел сюда с ней, и тех, кто остался в Березняке. Хагир проводил ее живым, и в ее сознании он упрямо продолжал жить. Может быть, сейчас, когда она сидит тут, он уже лежит холодный на холодной земле, и глаза его равнодушно смотрят в темное небо, и снежинки не тают на остывшем лице... Невозможно было представить, что его и всех прочих больше нет. Слишком привыкаешь считать домочадцев частью себя, и Тюра все время ощущала связь с оставшимися в старом доме и не могла поверить, что это обман, что эта живая часть отнята у нее без возврата. При мысли об этом казалось, что весь белый свет кончается вот тут же, в этой чужой кухне, на границе света от очага. Она одна перед холодным морем, перед скупым зимним лесом, перед пустотой и беспомощностью... Все как тогда, когда погиб муж... Но теперь у нее на руках гораздо больше людей и меньше средств помочь им.

Мысли метались, как щепки в волнах; чтобы толком думать о будущем, надо ведь знать, чем располагаешь в настоящем, а Тюра этого не знала. Если она осталась только с теми, кто здесь... Не обманывая себя, Тюра со всей отчет-

ливостью понимала: им не выжить, не прокормиться даже до весны. А кто их примет, кто защитит и накормит? На один день, на два, а потом? И таким облегчением было хоть на миг представить, что все сложится как-то иначе, что каким-то невероятным чудом потерянное вернется к ним, ну, хоть часть... Возвращение хоть кого-то из тех четырнадцати человек теперь казалось счастьем, казалось восстановлением почти всего прежнего.

Когда раздалось несколько тяжелых, торопливых ударов в ворота, Тюра сильно вздрогнула и вскочила. Первой ее мыслью было: скорее заставить этот стук умолкнуть, а не то люди проснутся и снова начнут горевать. Второй: кто это?

Ответ мог быть только один. В такое позднее время явиться сюда мог только Вебранд или... Больше никто. Тюра задрожала: ей хотелось бежать к двери, скорее узнать свою судьбу, но страх не пускал.

Из спального покоя торопливо выбрался Ульвмод в рубахе, горой стоявшей на неподпоясанном животе, с растрепанными волосами, недовольным лицом и копьем в руке.

– Стучат! – Тюра махнула рукой в сторону двора, хотя он, конечно, слышал и сам.

Стук раздавался снова и снова. Лежавшие на полу зашевелились, стали приподниматься, оборачиваться. Бьярта села на скамье, где ей устроили постель. На лице ее застыло горькое, жесткое выражение, как будто ее собственная беда породила в ней ненависть ко всему свету, черты заострились,

она стала казаться старше лет на десять.

– Я пойду! – Тюра метнулась к двери кухни и налегла на дверь, пытаясь вытащить из скобы толстый засов.

– Если он потребует вас, я не могу допустить, чтобы сожгли мой дом! – бормотал позади нее Ульвмод. Слыша его недовольный голос, Тюра стыдилась, что навлекла на соседа такую опасность, и торопилась еще больше. – Я ни с кем не ссорюсь и не должен отвечать за чужую удаль. У меня корабль брали внаем – откуда мне знать, куда на нем плавали?

– Дай мне копье, ты, мешок! – Бьярта подскочила к нему и решительно вырвала из рук хозяина оружие. – Иди сядь в уголке – я сама разберусь!

Опешивший Ульвмод открыл рот; лицо у него было растерянное и злое. А Тюра уже выскочила во двор, не успев даже ничего набросить на накидку. Холодный ветер широким языком лизнул ее лицо, падали мелкие снежинки, и она бежала через темный двор, как к воротам того света. Явись сюда хоть сам Фенрир Волк – это лучше неизвестности.

– Откройте! Ульвмод! Кто там есть? – кричал из-за ворот знакомый голос. – Это я, Хагир сын Халькеля! Не бойтесь! Откройте!

Имя и голос Хагира не вызвали у Тюры ни удивления, ни радости: ведь в ее мыслях он не расставался с ней ни на мгновение. Снаружи теперь раздавался тот самый голос, что весь вечер звучал в ее душе. Появление Хагира казалось и невероятным, и естественным одновременно, Тюра не спраши-

вала себя, сон это или явь, и стремилась к одному: скорее открыть ворота и увидеть его!

– Стой! – Кто-то вдруг схватил ее за руку.

Обернувшись, Тюра увидела Ульвмода.

– Ты с ума сошла! – всполошенно убеждал он. – Откуда тут взяться Хагиру! Он уже давно в иных мирах! Это его дух, призрак, как ты не понимаешь! Он погубит нас всех!

Тюра недоумевающе посмотрела на хозяина и, не ответив ни слова, с неожиданной силой освободила свою руку из-под руки Ульвмода, отпихнула его и выдернула брус из скобы. Ульвмод отступил: в ее взволнованном лице и блестящих глазах промелькнула какая-то высшая, сверхчеловеческая сила. И в эту тролли вселились!

Створка ворот тут же качнулась наружу, в щели показалась рослая темная фигура. Позади шумно дышала лошадь, виднелась лохматая черная челка. Отблеск факелов, которые держали Ульвмодовы домочадцы, упал на ночного гостя. Нетрудно было принять его за неупокоенный дух – лицо Хагира выглядело ожесточенным и даже злым, как всегда, когда он был сосредоточен и взволнован. Дышал он тяжело и горячо, как от сильного напряжения, глаза смотрели исподлобья.

– Хагир! – вскрикнула Тюра, и одновременно с ней его имя повторило несколько голосов во дворе. – Хагир! – Она бросилась к нему и вцепилась в накидку на его груди, точно хотела вытащить из темноты. – Ты жив?

– Да! – Хагир схватил обе ее руки в свои, а сам поверх ее головы окинул быстрым ищущим взглядом людей во дворе. – Вы все здесь? Я так и думал, что вы пойдете сюда. И Бьярта?

– Хагир! Ты убил его? Ты отомстил? – требовательно воскликнула Бьярта. С копьем наперевес она стояла позади сестры и как будто ждала знака ринуться в бой.

– Слушайте! Мы помирились... Пока помирились... Так вышло... Пришли фьялли! – начал отрывисто объяснять Хагир. – Ормкель вернулся, и с ним Хрейдар Гордый, у них человек шестьдесят... В сумерках пришли... Они назначили битву на утро с Вебрандом, они тоже хотели отомстить нам за свое... Вебранд не хотел уступить им усадьбу... Я говорил с ним. Мы будем биться вместе, а потом он отвезет нас на своем корабле... И остатки добра из усадьбы мы поделим. Ульвмод! Ты дашь мне людей?

Все еще держа руки прильнувшей к нему Тюры, Хагир требовательно глянул на Ульвмода.

– Людей? Каких людей? Куда? – недоумевающе и раздраженно восклицал тот, еще не взяв в толк, живой ли человек к нему явился и чего хочет. – Ты откуда взялся?

– С кем ты помирился, я не поняла? – допрашивала с другой стороны Бьярта, обеими руками держась за древко копья. – С кем? Я не поняла!

– Пришли фьялли! – выкрикнул Хагир, гневно глядя на Ульвмода и Бьярту. Выбрали время оглохнуть! – Вы что, не поняли? Вернулся Ормкель с новой дружиной! И собирается

нас всех перебить! Дошло? Доехало?

Весь двор загомонил.

– Я всегда знал, что этим кончится! – Фигура Ульвмода заходила ходуном, как будто он собирался бежать, но не знал куда. – Всегда знал... Они... Вы же... Да! Где они? Где? – Вдруг он стал наскакивать на Хагира. – У вас? Заняли усадьбу? Чего они хотят?

– Мне нужны люди! Мы с Вебрандом будем биться с ними утром! Ты можешь дать мне человек десять! Хотя бы тех, кто ходил со мной в поход!

– Ничего я не могу тебе дать! Мне надо защищать свой дом! Вас все равно разобьют!

– Нас разобьют поодиночке, как ты не можешь понять? – Хагир тоже кричал во весь голос. Эти несвоевременные упрямство и глупость превышали его терпение, и без того расшатанное всеми событиями прошедшего дня. – У меня тринадцать человек, у Вебранда почти тридцать! Нам нужно еще немного, и мы разобьем фьяллей! А иначе они пойдут по округе и до тебя доберутся! Ты хочешь драться с ними один?

Ульвмод не хотел драться один и не один не хотел тоже.

– Что вы затеяли? Ты всегда был не в своем уме! Я и моя усадьба тут ни при чем! – бессвязно и негодуя восклицал он, сжимая опущенные кулаки и напирая на Хагира грудью, так что тому пришлось посторониться и передвинуть Тюру, которая стояла между ними. – Я ни во что не собираюсь вме-

шиваться! Это ты все натворил, ты сам и разбирайся! Ты с твоим бешеным Стормундом! Он уже свое получил, туда ему и дорога! А я не собираюсь ни во что вмешиваться, так и запомни!

– Молчи, мешок дерьма! – крикнула Бьярта и надвинулась на Ульвмода со своим (его) копьем. Она не слишком разобралась в несвязных воплях хозяина, но уловила что-то непочтительное по отношению к Стормунду. – Ты кто такой, чтобы оскорблять моего мужа! Он один стоит сотню таких, как ты, трусов и тюфяков!

– А ты молчи! – рявкнул в ответ Ульвмод, мигом обернувшись к ней и не замечая копья. – Ты – у меня в доме! Ступай к себе, если тут не нравится! Я не собираюсь держать вас здесь! Из-за вас все это началось! Без вас мы бы жили спокойно! Вы перессорились со всем светом, а мы должны отвечать! Из-за вас нас всех разорят, сожгут дома, перебьют! Я не собираюсь пропадать вместе с вами! Разбирайтесь сами, как знаете!

– Успокойтесь, опомнитесь! – Тюра наконец оторвалась от Хагира. Шумная ссора, как ни странно, помогла ей прийти в себя. – Опомнитесь! О чем вы спорите! У нас общие враги! Как вы можете браниться сейчас! Бьярта! Да убери ты это дурацкое копье! Ульвмод! Опомнись! Хагир!

– Ты соображаешь хоть что-нибудь! – Хагир, в свою очередь, подвинулся к Ульвмоду и даже наклонился над ним, чтобы с высоты своего роста заглянуть в глаза хозяину усадь-

бы. И тот, несмотря на свой возмущенный пыл, попятился: из глаз Хагира, совершенно черных в полутьме, изливалась решимость снести любые препятствия. – Пойми ты, тюленья голова, нас перебьют поодиночке! Виноват ты, не виноват – фьяллям на это плевать! Они разорят весь наш берег, если их вовремя не унять! Они не будут спрашивать, любишь ты меня или не любишь! И жить спокойно мы все будем, только если вышвырнем их отсюда навсегда! Даже Вебранд понял, что мы спасемся только вместе, так неужели ты не можешь понять?

– Что ты твердишь о Вебранде? – Острые копыта засверкали между Хагиром и Ульвмодом – это Бьярта подошла поближе. В ее сознании сейчас не помещалось ничего, кроме недавней потери. – Что ты все твердишь о Вебранде, скажешь ты мне или нет? Ты убил его? Ты отомстил за моего мужа? Да?

– Я договорился с ним – мы будем биться с фьяллами все вместе, а потом он отвезет нас на своем корабле! – сдерживая раздражение, отдельно и внятно повторил Хагир. – Ты слушаешь, что я говорю? Если тут фьялли, то по отдельности не уйти ни нам, ни ему. А вместе мы прорвемся. Особенно если раздобудем еще людей. И если кто-то хочет защищать свой дом, – он бросил выразительный взгляд на Ульвмоду, – то должен делать это сейчас, пока не поздно!

– Ты помирился с Вебрандом? – так же отдельно повторила Бьярта. От изумления копыта в ее руке опустились, брови поползли вверх. – Я не поняла... Как – помирился с Ве-

брандом? – Она задохнулась и помолчала какое-то мгновение, а потом голос ее окреп: – Ты помирился с этим оборотнем? С убийцей моего мужа... твоего вождя?

Хагир молчал, тем самым подтверждая сказанное. Наконец-то до нее дошло, что убийца ее мужа сейчас их единственная надежда на спасение.

– Ты с ума сошел! – взвизгнула вдруг Бьярта. Копье в ее руке вздернулось, люди шарахнулись в разные стороны. – Да будь ты проклят! Ты предал своего вождя! Он погиб как герой, а ты предал его, ты помирился с этим гадом! Чтоб тебя громом убило! Чтоб ты подавился! Я сама пойду! Ты хочешь, чтобы я сама пошла! Мой сын в десять лет больше мужчина, чем ты! Ты не посмел мстить за него, ты его предал!

– Молчи, молчи! – со слезами ужаса кричала Тюра: в ее глазах сестра окончательно сошла с ума. – Молчи!

– Да отдай сюда! – Хагир схватился за копьё в руке Бьярты, сильным рывком выдернул и бросил; наконечник зазвенел, ударившись о промерзшую землю. – Нашла себе игрушку! Да откройте же вы глаза! Ты хочешь всех остальных погубить заодно со Стормундом? Ты соображаешь, что происходит? Фьялли стоят у нашего сарая на берегу! Ты хочешь, чтобы вас всех продали или перебили? Вебранд умнее вас всех! Он сразу понял! Наше спасение только в этом! Ну, – он обернулся к Ульвмоду, – даешь ты людей или ждешь, пока придут убивать тебя отдельно?

Ульвмод дрожащей рукой вытер взмокший лоб. Ему хо-

телось одного: чтобы его оставили в покое.

– Ничего я тебе не дам! – задыхаясь, пробормотал он. – Справляйся сам, как знаешь. И своих бешеных женщин возьми с собой.

Хагир еще мгновение сверлил его диким и злобным взглядом, потом глубоко вздохнул, еще мгновение помедлил и повернулся к Тюре. В ней он видел единственное разумное существо, на которое можно положиться.

– Слушай! – Он взял ее за плечи, хотя она и без этого не собиралась убегать и не сводила с него глаз. Говорил Хагир неожиданно спокойно и четко, и напряжение его выражалось только в том, что он, не замечая того, сжал ее плечи слишком сильно. Но Тюра даже не поморщилась. – Собери к рассвету всех наших, и идите к Горелому мысу. Спрячьтесь там в лесу и ждите, но не спускайте глаз с воды. Если все получится, как я думаю, то вскоре после рассвета мы на «Змее» проплывем мимо. Ну, не позже полудня. Там на отмели за мысом мы вас подберем. Поняла?

– Поняла! – тут же ответила Тюра и кивнула. – Мы там будем. На Горелом мысу после рассвета. А куда ты теперь?

– К Торвиду. Попробую у него добыть людей. Ну, давай!

Он сжал плечо Тюры, как будто это ей предстояло скакать через ночной лес собирать войско, и повернулся к своему коню.

Стук копыт на лесной дороге слышался в ночной тишине еще довольно долго, и все стоявшие во дворе молча при-

слушивались. Тюра ломала руки, изнемогая от треволнений, но где-то в глубине возникла радость и тихо билась светлым пятнышком, как крошечный родничок среди камней, и дышать стало легче. Хагир появился так призрак и исчез как призрак, но большего ей было и не нужно. Черная яма, конец всего, каким ей представлялся этот вечер, обернулся началом новой дороги; река жизни запрудилась лишь на мгновение, а потом потекла снова, как и должно быть. Конец дороги терялся в неизвестности, но на ней было место надежде. Они вырвались из ловушки, а значит, мир не погиб в эту темную зимнюю ночь.

Едва начало светать, как фьялли уже были готовы выступить. Из леса над береговым откосом Хагир со своими людьми наблюдал, как они поднимаются, слышал их боевые песни. Особенное нетерпение проявлял Оормкель сын Арне: торопил всех, а сам злобно огрызался в ответ на каждое слово. Жажда отомстить за свое унижение томила и мучила его. Хрейдар Гордый посмеивался над ним и тем подзадоривал: если воин не умеет владеть собой и гибнет от избытка ярости по-глупому, то туда ему и дорога.

В рассветной полутьме казалось, что фьяллей, копошащихся на берегу под обрывом, очень много: сплошное облако голов, рук с копьями и щитами.

– Они что, размножились за ночь? – беспокойно шутили Эйк и Хёрд. – Вчера меньше было!

– Ничего, нам-то немного останется! – утешал Альмунд Жаворонок. – Даже на всех не хватит.

– Человек десять оставят, а нам это – раз плюнуть, – бормотал Гьяллар сын Торвида. – Вот увидишь. Тебе так повезло, Сиг, – твой первый бой уж точно будет удачным!

– Не говори заранее! – останавливал его младший брат, для успокоения которого Гьяллар и старался. – Лучше не говорить!

Сигу было всего семнадцать лет. Торвид Лопата не послушался жены и не оставил младшего сына дома: уж если враги подошли к самому порогу, то в битву идут все, кто хочет называться мужчиной. Но пока невысокий, худощавый и большеглазый Сиг больше походил на мальчика, чем на того грозного морского конунга по прозвищу Дерзкий, которым его в мечтах наградил когда-то старший брат. «У нас будет два корабля, мы будем ходить по всему Морскому Пути, везде биться и одерживать победы...»

Оба брата дрожали от волнения, и прежний опыт Гьяллара ему не помогал.

– Ну и холодина! – бормотал Сиг в оправдание. – Утром холоднее всего! Вот, на пастбище тоже, как выйдешь утром...

Торвид Лопата собрал для битвы больше двадцати человек из своей усадьбы и окрестных дворов, куда можно было успеть за ночь, и сам возглавил маленькое «домашнее войско». Он не славился как великий воин, но его опыт и при-

существование духа Хагир считал большим приобретением: при нем неопытные воины чувствовали себя увереннее.

Глядя, как фьялли строятся на песке возле двух кораблей, как Ормкель с блестящим в руке мечом бежит перед строем и что-то гневно выкрикивает, Хагир в последний раз спрашивал себя, верит ли он Вебранду. За эту бесконечную ночь он, конечно, не мог составить о полуоборотне ясного мнения, но тем не менее приходилось доверить ему судьбу дружины. То он кажется честным и даже простодушным, а то вдруг понимаешь, что это – притворство, насмешка, умысел... Наглый, хитрый, жадный, бессердечный Вебранд может оказаться способен на любое коварство, может не придавать значения той клятве, которую дал убийце своего отца. Но вид воинственных фьяллей и жаждущего крови Ормкеля успокаивал сомнения. У Вебранда ведь тоже нет другого выхода. Надежда, что удастся договориться с заклятым врагом, была весьма зыбкой, но она придавала Хагиру сил для битвы, и потому он не хотел от нее отказаться.

Фьялли стали подниматься по тропе. Там наверху – усадьба, пустая и всеми покинутая. Даже всю скотину и птицу ночью успели переправить к Торвиду Лопате. Кому она теперь нужна, эта усадьба, несколько старых построек, порченная резьба столбов, источенные жучками стены? Какая в ней ценность? Но почему-то три дружины, несколько знатных и прославленных вождей готовы погибнуть, но не отступить от нее. Что их гонит? В усадьбе Березняк Хагир ви-

дел весь Квиттинг, разоренный, униженный, разобщенный и утративший веру в себя. Пусть он отстоит от захватчиков только кучу старых бревен – важнее всего начать. А дальше покатится... Ведь покатилося же все вниз от нескольких незаметных толчков! Ингвид Синеглазый, Южный Ярл, своими глазами видевший начало войны, помнил множество происшествий, но не мог решить, какое же из них сделало ход событий губительным. Все начинается с малого...

Возле усадьбы затрубил рог – это Вебранд приветствует противника. Фьялли ответили дружным боевым кличем и ударили мечами о щиты. Волки Одина завывали в их голосах, сердце Хагира то замирало, то вдруг пускалось вскачь, его люди переминались с ноги на ногу, и только опытный Торвид хёльд стоял спокойно. Он когда-то видел Битву Конунгов.

Возле двух кораблей – пленного «Змея» и Хрейдарова «Гордого Дракона» с высоко задранной головой на штевне, смотрящей не вперед, как все, а прямо в небеса – остался дозорный десяток. Теперь пора. Хагир обернулся: позади него стояли почти все люди Торвида, бонды и рыбаки из округи, и каждый сжимал в руках лук с наложенной стрелой. Этим оружием пастухи и охотники владеют не хуже воинов.

– Ты – вон того! – Хагир сделал знак Стуре бонду, толстоватому, сосредоточенному, и показал на крайнего фьялля, что стоял под самым штевнем «Змея» и провожал глазами уходящую дружину. – И ты тоже.

Он распределил цели, притом дал одну и ту же двум

стрелкам, чтобы было вернее. На дозорный десяток нельзя тратить много времени, а новоявленные воины должны начать сразу с победы, хотя бы маленькой – потом им придется гораздо труднее!

Последние ряды фьяллей поднялись по склону и скрылись из глаз. Хагир проводил их взглядом и взмахнул рукой:

– Давай!

Два десятка разнородно оперенных стрел вылетело из леса и жалящим роем осыпало дозорных; восемь человек сразу упало, один устоял на ногах, схватившись за стрелу в плече, и один остался невредимым, изумленно глядя на товарищей: кто-то стонал и катался по песку, кто-то лежал неподвижно, и только оперение стрел дрожало.

– Вперед! – Хагир взмахнул копьем и первым выскочил из леса.

За его спиной зашумели ветки, затопали шаги; Хагир не оборачивался, и ему казалось, что сам лес дружным строем побежал за ним. Затрубил боевой рог. Видя, что к нему бежит целая дружина, последний фьяльль вскрикнул и бегом кинулся к откосу; Хагир метнул ему вслед копье, и оно вонзилось в спину. Фьяльль упал лицом в каменную россыпь и застыл; Хагир подбежал к нему и высвободил копье. Его люди тем временем устремились к «Гордому», и два десятка секир ударили по его днищу. Кто-то кинулся раздувать угли в оставленном костре, другие несли приготовленный хворост, сыпали на корабль, размазывали смолу из разбитого бочон-

ка. Потянуло душным дымом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.